

Д. В. Кузьмин

**К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ
ЗАПАДНОГО ПОБЕРЕЖЬЯ БЕЛОГО МОРЯ
(ПО ДАННЫМ ТОПОНИМИИ)**

История и культура Беломорья вот уже два столетия привлекает к себе внимание исследователей многих стран и представителей различных научных направлений. Это связано с тем, что здесь, на побережье Белого моря, в результате активного многовекового контактирования саамского, карельского и русского этносов, образовалась особая группа севернорусского населения, именуемая в историко-этнографической литературе поморами.

В ходе многолетних полевых исследований был собран значительный материал по фольклору, духовной культуре, архитектуре, археологии, языку и топонимии. В то же время, до сих пор практически нет ни одного исследования, которое рассматривало бы историю заселения и историю этнических взаимоотношений народов, которые приняли участие в формировании населения интересующего нас региона.

В предлагаемой статье через анализ топонимии карельского побережья Белого моря мы попытаемся восполнить образовавшийся пробел, что даст возможность более детально взглянуть на проблему этнической истории поморского населения, которое традиционно считается русским. Это позволит также наметить ряд моментов, связанных с основными путями и хронологией освоения различными этническими группами исследуемого региона.

Обратим сразу внимание читателя на то, что население поморских деревень Республики Карелия, называясь поморами и потомками выходцев с “Новгородчины”, не считает все же себя русскими. Кроме этого, сегодняшние информаторы не воспринимают и территорию окрестностей современных беломорских сел исконной поморской территорией, о чем свидетельствует, по их мнению, большое количество непонятных им названий географических объектов.

Это подтверждает и собранный топонимический материал: примерно третья часть всех собранных названий имеет или нерусское происхождение, или содержит какой-либо географический термин, заимствованный в результате контактирования с дорусскими насельниками исследуемой территории. При этом наибольший процент по-

добных названий фиксируется по данным Научной картотеки топонимов ИЯЛИ (прибл. 4700 топонимов по территории Поморья) в деревне Унежда (50%) и окрестностях современного города Кемь (38%), а наименьший в деревнях Черная Река (13%) и Шижня (8%). В то же время нужно учитывать и тот факт, что степень сбора географических названий в разных населенных пунктах исследуемой территории значительно разнится. Например, в селе Нюхча и его окрестностях записано около 800 топонимом, в то время как в Княжгубе – 38, а в деревне Юково всего 31 название.

Как известно, из этнически определяемых наиболее древними жителями исследуемой территории являлись саамы или лопари. Подтверждением этому являются многочисленные топонимы саамского происхождения, данные археологии и диалектологии, а также документальные источники.

Одним из первых письменных источников, который косвенно свидетельствует о возможном проживании саамского населения на побережье Белого моря, является житие Лазаря Муромского, основателя Муромского монастыря (юго-восточная часть Заонежья). В нем рассказывается, что “лопяне”, т.е., по всей видимости, саамы, ушли на север к Белому морю¹ [Витов 1962: 71].

На севере современной Карелии древнюю территорию саамов русские источники называли “Лопью дикую и лешую” (т.е. земли кочевавших и осевших по лесам саамов). Данная традиция устояла и к XVII веку: в “Книге Большому чертежу” (официальном дорожнике 1627 г. и его последующих редакциях) кольское и западно-беломорское побережье слыло “Лопским берегом”, а находившиеся здесь погосты-места (Кемь, Кереть и др.) – “лопскими” [Жуков 2003: 36]. Это и не удивительно, поскольку до 1589 года “на Кемской ж земли” (на сопредельных с беломорским побережьем внутренних территориях) существовало десять поселений крещеных и некрещеных лопарей, которые находились по берегам

¹ Водно-волоковых путей, которые связывали Онежское озеро с Белым морем, было несколько, и все они шли через обширное озеро Выгозеро, с которого путь к Беломорскому побережью мог быть продолжен по разным маршрутам. Интересно при этом, что один из путей, ведущих от озера Выгозера к Белому морю, и известный как Осударева или Царская дорога, имел в карелоязычной среде название *Lapintaival* (букв. Лопарская дорога, путь) [Nissilä 1955: 248].

“леших озер” [МПИК: 325]. Вполне возможно, что на морском побережье могли находиться в то время летние промысловые деревни и угодья, принадлежавшие саамскому населению указанных выше поселений. Кроме этого, в своем исследовании о саамах Т. Итконен пишет, что норвежские источники сообщают о проживании лопарей в 1415 году в Кандалакше [Itkonen 1928: 259].

По мнению Р.Б. Мюллер, саамы были оттеснены карелами с побережья Белого моря вглубь территории в XV веке, продолжая жить по верховьям рек Керети, Кеми, Выга и Сумы. Исследовательница также предполагает, что в это время лопари, как и позднее, вели транзитную торговлю, поддерживая связь между Поморьем и Швецией [Мюллер 1947: 28-29]. Однако, о проживании “дикой лопи на Студеном море” (т.е. в западном Беломорье) свидетельствуют исторические акты XVI века. Кроме этого, “лопь крещеная и некрещеная” упоминается в это же время на реке Шуе [Манюхин, Лобанова 2002: 31], в устье реки Сумы [Sjögren 1861: 343] и на Нижнем Выге [Витов 1974: 145].

Проживали саамы, по всей видимости, на территории исследуемого региона, а также на сопредельных с Беломорьем территориях и в более позднее время, о чем свидетельствует, например, переписная книга 1676-1677 годов. В ней описываются волости и усолья Соловецкого монастыря в Выгозерском погосте (Вирма, Сухой Наволок, Шижда < ? Шижня) и за его пределами (Шуерецкая, Пибозерская, Лютнорецкая < ? Летняя Река). В ней дается описание крестьянских и бобыльских дворов Соловецкого монастыря, а также есть указания о местожительстве лопарей в пределах этой территории [Витов 1974: 16]. Приблизительно в то же время, в 1680 году, имеются сведения о сборе податей с погоста-селения “Лешей Лопи” с крещеных и некрещеных лопарей” на реке Кеми [Жуков 2003: 36]. Частично продолжают в актах XVII века упоминаться лопари и на Нижнем Выге [Витов 1974: 145].

В зону расселения лопарей, по мнению ряда ученых, некогда входили архипелаг Кузова и Соловецкие острова, хотя прямых свидетельств о проживании саамов на них нет. В то же время, на Соловках известны озера Большое Лобское и Малое Лобское, а на островах Лодейном и Олешине в Белом море археологами открыты поселения, относящиеся к эпохе средневековья (X-XV вв.), которые напоминают жилища древнесаамского населения северных районов Швеции и Норвегии [Манюхин, Лобанова 2002: 26]. Норвежский исследователь

Бьорнар Ольсен предполагает, например, что строительство монастыря было связано именно с тем, что Соловецкий архипелаг был местом расположения важнейших святынь местного саамского населения и много веков оставался центром их священного ландшафта [Ольсен 2002: 48]. К проявлениям культовой деятельности саамов на архипелагах Кузова и Соловецкий Бьорнар Ольсен относит лабиринты и значительную часть (нехристианских) священных ландшафтов (жертвенники круглой формы, сейды и других культовые сооружения), которые могут датироваться, по его мнению, поздним железным веком или средневековьем, хотя, как отмечает исследователь, предполагаются и более ранние датировки этих памятников, приходящиеся на поздний каменный век или ранний металл [Ольсен 2002: 43-45].

В силу своей устойчивости топонимия лучше других источников сохраняет память об относительно недавнем саамском прошлом исследуемой территории. Здесь представлено большинство топонимных моделей, которые рассматриваются исследователями в качестве саамских маркеров.

Саамские по происхождению географические объекты фиксируются неоднократно как на самом беломорском побережье, так и во внутренних частях рассматриваемой территории. При этом отметим, что подобные наименования присущи, главным образом, наиболее крупным и важным с точки зрения хозяйственного использования географическим объектам. Саамские истоки имеют и большинство ойконимов исследуемого региона, кроме этого, они фиксируются и в ряде наименований частей беломорских сел и деревень.

Далее в алфавитном порядке представлена серия названий, которые, на наш взгляд, имеют достаточно убедительные саамские этимологии².

Вольостров (Княжгуба), тоня Волеостровская (Умба) < саамС. vuolle, саамК. vue'll 'нижний';

Вирморучей (Нюхча), Вермова гора или Вермово (Колежма), река Вирма, Вирмозеро (Вирма), Вирмогуба (Кандалакша), Вирмозеро (Лапино) < саамС. fierbmi, саамК. vieram, virme 'сеть';

² При написании этого раздела были использованы следующие исследования и словари саамского языка: Itkonen T.I. 1958, Lehtiranta J. 1989, Nielsen K. 1932-1938, Salo 2000, Sammallahti P. 1993, Кефт Г.М. 2002.

Елманиха³, возвышенность (Шуя) < саамС. čoaľ'bme, саамК. čuèlm 'пролив';

Елестров (Сумпосад) < *elē 'верхний';

Енекорга или Енякорга (Поньгома) < äп < *ēпē 'большой';

Каинцы или Каенцы, острова (Унежма) < саамС. gæi'dno, саамК. keajп 'дорога';

Калгарека, Калгозеро (Калгалакша), остров Калганцы (Сумпосад) < саамС. keälka(n) 'бор'. В верховьях Калгареки находится озеро Кялгозеро (кар. Kälkärvä), с которым она связана системой небольших рек и озер.

Кереть, кар. Kieretti, река и остров (Кереть) < саамС. gieга 'вершина', оформленное суффиксом [Itkonen 1926: 34]. Озеро является верхним в данной водной системе.

Кетькозеро < саамС. geađge, саамК. kiēđg(e) 'камень, каменный' (Шижня),

Колежма, река (в источниках XIX в. Кулежма) < саамК. kuoll(e) 'рыба, рыбный';

Ковдарека (Ковда) < саамС. guovda 'средний', саамК. kūōū(d)ta 'в середине';

Ковжа, Ковжино, порог, Ковжин остров (Сорока) < kuovsi 'одно-
довальный бобер';

Кондостров (Колежма) < саамК. konde 'дикий олень';

Коткана⁴, остров (Нюхча), мыс Кузокотка (упом. уже в 1544 году) [АСМ 1479-1571: 66] (Кереть), остров Котков (Чупа), перешейки Медвежий Коткуй, Калнаволоцкий Коткуй (Поньгома) и Коткуй (Калгалакша) < саамС. guotko 'узкий перешеек';

Кочкамоостров, Кочкамнаволо (Гридино) < саамК. kuo'čč(a), kuočkad 'кислый, гнилой' или саамС. goaskin (-sk- < *-ck-), са-

³ Топоним Елманиха перешел в русское словоупотребление из карельского, иначе невозможно объяснить переход саамского начального с в j, а затем в русское е. Ср. кар. озеро. Jolmajärvä, деревня Jolmani < от саам. čuèlm 'пролив'.

⁴ Данные топонимы, как и в предыдущем случае, могли перейти в русское словоупотребление из карельского. В карельском языке известны, например, апеллятивы kuotkuo, kuotkut 'место между двумя островами или островом и материком, которое в большую воду под водой, а в малую становится перешейком, который соединяет острова или остров с материком' (Вокнаволо, Северная Карелия); kotkova 'перешеек между болотами' (Семчезеро, Средняя Карелия).

амК. *kuä'skket* 'орел'; В пользу первой версии свидетельствует географическая характеристика объекта.

Кувжденьга, река (Ковда) < саамС. *guvžá* 'морской лосось' или *kuovsi* 'одногодовалый бобер'

Кувшинострв (Колежма) < ? саамС. *guvžá* 'морской лосось'

Куккорга, мыс (Колежма) < саамС. *guk'ke*, саамК. *ku'kk* 'длинный';

Кяткярека, Кяткоручей, Кяткозеро (Гридино) < *geatki* 'росомаха' или *geadge* 'камень, каменный';

Нива, река (Кандалакша) < саамС. *njâvve*, саамК. *njââ'vv* 'стремнина, течение, небольшой порог';

Нюхча, река, остров Нюхослуда (Нюхча), Нуксари (Соловки) [АСМ 1479-1571: 16] < саамС. *njuk'čâ*, саамК. *njuhčč* 'лебедь';

Нявдозеро (Колежма) < саамС. *njæw'de* 'разновидность хорошей травы';

Пасмозеро (Кандалакша) < саамК. *pašm* 'конусообразная скала или каменная глыба';

Паховина⁵, залив, скалы Абрамова пахта, Корабельная пахта, (Сумпосад), Новзеева пахта (Кольская губа) [АСМ 1572-1584: 162], тоня Пахтонецы (Варзуга) [АСМ 1572-1584: 67] < саамС. *bákte* 'скала', саамК. *paht(e)* 'гора, обрыв';

Пежостров (Кереть) < саамК. *piess(e)* 'гнездо';

Печак, мыс и остров (Соловки, Шуерецкое) < саамК. *pie'ss(e)* 'со-сна' + суффикс;

Поньга(м)наволок⁶, Поньгаостров, река Поньгома (упом. уже в документе 1447-1454 годов [МПИК: 101] (Поньгома), озеро Pongamojärvi (Чупа) < саамШ. *puogge* 'строение для хранения запасов в виде чума без дымохода; строение для хранения запа-

⁵ Указанные выше названия могли появиться, скорее всего, уже в среде русскоязычного населения, поскольку в поморских говорах Беломорья известен апеллятив *пахта* 'прибрежная скала', однако, без сомнения, сам апеллятив восходит к саамскому слову *paht, bákte* со значением 'гора, обрыв, скала'.

⁶ Подобные названия зафиксированы также в топонимии других частей Карелии: деревни *Ponkalaksi* и гряда *Ponkaharju* (Суднозеро) на западе Беломорской Карелии, группа названий на *Ponka-* в окрестностях деревни Кукасозеро на севере Беломорской Карелии (*Ponkalampi*, *Ponkaniemi*, *Ponkalaksi*), озеро *Pon'gama* (из него берет начало река Поньгома) в центральной Беломорской Карелии, а также, возможно, гора Поньгора < *Понь(а)гора, залив Пуныгуба < *Понь(а)губа в Заонежье.

сов на двух столбах, с крышей и полом, но без стен' [Kiviniemi 1978: 34];

Пяльская Луда (Калгалакша), Пяллуды (Кемь), а также реки Пялица (Варзуга) [АСМ 1572-1584: 69] и Пяла (Лапино) < саамК. *pie'll, pie'lle* 'ухо' > 'край, бок, сторона';

Пячестров, вар. Печестров (Летняя Река, Сумпосад) < саамК. *pie'ss(e)* 'сосна';

Соловки (острова) < саамК. *suel, suolo*, саамС. *suolu* 'остров';

Сонрека (Соностров), Сонручей (Гридино), < саамС. *suodnjo* 'поросшее травой болото' или *suoidne* 'трава', саамК. *šuoñ(a)* 'влажное травянистое место на болоте';

Сорока, рукав Выга (упом. уже в документе 1419-20 годов) и протока реки Нюхча Срака от саамС. *suog'ge* 'одна из двух небольших рек, которые вместе образуют крупную реку; один из рукавов, образуемых рекой, разделяющейся на две или более частей' [Муллонен, Лялля 2006];

Ухтозеро, ручей Ухтица (Колежма), река Ухта (Нюхча), Ухтнаволок (Карельский берег) < **ukti* 'дорога, волок';

Ушкостров (Кемь) < саамС. *vuosk(o)*, саамК. *vuesk* 'окунь'

Чекша, ручей (Вирма) < саамС. *čiek'ča* 'скопа' (птица);

Чупа, залив, в исторических документах Чюпская губа [АСМ 1572-1584: 39], урочище Чупалда с вариантом. Чупанда (Кереть), часть моря Кильяцкая Чупа (Кемь) < саамК. *šiorrðš* 'конец залива';

Шубозера, Шубручей (Унежма), Шубозерко (Выгозерская волость) [АСМ 1479-1571: 143] < саамС. *suhpi, suor(pe)*, саамК. *sui'pp* 'осина' или саамС. *suohpa* 'брод'.

На проживание на побережье Белого моря саамов указывает, возможно, и целая серия названий с основой Лоп-, Лоб-, Лап-, которые фиксируются в топонимии большинства населенных пунктов исследуемой территории: ср. Лопский порог, от лопский, лобский 'саамский' (Кандалакша), тони Лопский Крест (1565) [АСМ 1479-1571: 183] и Лопская губа (1572) [АСМ 1572-84: 8] (Кереть), мыс Лобский наволок (Гридино), тоня и покос Лопское (Калгалакша), Лобский берег, Лобские островки (Поньгома), залив Лапина губа (из кар. *lappi* 'саам, лопарь' или от родового прозвища Лапин), болото Лапинские мхи, Лобский остров (Летняя Река), озера Лобское Большое и Малое

(Соловки), Лопский конец (1563) (Выг) [ПКОП: 155], Лопский остров (Сумпосад), мыс Лопский ил Лобской наволок, Лопский островок, Лобская скала и Лопский лес (Колежма), мыс Лапина корга, острова на болоте Лопские или Лобские острова (Нюхча). Подтверждением этому могут являться также упоминающаяся в документе 1583 года деревня Лапинской след, находившаяся на берегу реки Нюхчи “повыше погоста” [Витов 1974: 132], деревня на Суме ж реке Лапина [ИК-1: 201], а также ряд родовых прозвищ, фиксирующихся в поморских селах исследуемого региона, которые могли указывать на определенном этапе истории на саамов: ср. Лапин (1574) [АСМ 1572-84: 58], Лопинов (1579) [АСМ 1572-84: 137] и Лопинцов (1723) [Rölla 1995: 68] (Кемь), Лапин (Сума) (1563) [ПКОП: 161], Лопин (Сорока) (1582/83) [АСМ 1572-84: 201], Лопин (Выг) (1563) [ПКОП: 156], а также современная фамилия Лопинов (Калгалакша).

Кроме этого стоит упомянуть и о том, что село Колежма имеет другое, неофициальное название Лопари, которое, на наш взгляд, также может свидетельствовать о проживании там на определенном этапе истории саамского населения⁷.

Все вышеперечисленное указывает на активные контакты в пределах рассматриваемой территории пришлого прибалтийско-финского и русского населения с местными саамами, результатом чего и явилась достаточно хорошая сохранность как саамского пласта топонимии, так и таких названий, которые косвенным образом могут указывать на саамов. Можно также предполагать, что в результате этих контактов часть саамского населения вошла через процесс билингвизма в состав прибалтийских финнов и русских карельского Беломорья в связи со сменой этнического самосознания и языка.

В связи с вышесказанным приведем один пример, который может свидетельствовать, на наш взгляд, о билингвизме населения, проживавшего на беломорском побережье на определенном этапе истории. Заманчиво предположить, что остров Саломское (ср. кар. *salmi* “пролив”), расположенный в окрестностях села Шуерецкое, может быть связан с карельской адаптацией, а позже и переводом, саамской по происхождению основы *šoal'bme*, *šuoel'm* со значением ‘пролив’, о чем

⁷ С другой стороны, данное название может быть связано с коллективным прозвищем лопари, применяемым к жителям Колежмы.

свидетельствует, на наш взгляд, расположенная рядом с островом возвышенность Елманиха (саам. *čoaľ'bme- > кар. *jolma- (> Елманиха) > кар. *salmi- > Саломское).

Также хочется обратить внимание на сложность в разграничении саамских и прибалтийско-финских названий, вызванную значительным общим словарным фондом этих языков [Муллонен 1988: 75]. Не исключена возможность того, что часть топонимов, причисляемых нами к прибалтийско-финскому пласту, может восходить еще к периоду проживания на побережье Белого моря саамов. Сравните, например, пр-фин. основа *kuuzi* - саам. *kuoss(a)* 'ель': Кузостров (Вирма, Шижня), Кузнаволок (Нюхча); пр-фин. основа *kezä* - саам. *k'ieess(e)* 'лето': Летняя река⁸; пр-фин. основа *leppä* - саам. *leaibi* 'ольха': Лепручей (Шуерецкое), пр-фин. основа *luhta* 'заливной луг' - саам. *luht, luohhta* 'залив': Лухтопорог (Калгалакша), остров Лухта (Шуерецкое); пр-фин. основа *majava, majua* - саам. *maij* 'бобер': Майручей (Нюхча); пр-фин. основа *kallivo* 'скала' - саам. *kalli* 'скала': Калнаволок, Калостров (Поньгома).

⁸ Поскольку практически все крупные реки, впадающие в Белое море в пределах Карелии, имеют доприбалтийско-финское происхождение, можно предположить, что и в основе названия Летняя река может лежать саамский апеллятив *k'ieess(e)* со значением 'лето'. В результате контактов название сначала было адаптировано карельским языком (ср. кар. *Kezäjogi*), а позже было переведено на русский. Косвенно о проживании саамов недалеко от устья реки Летней свидетельствует, на наш взгляд, топоним Кезякульский остров (вар. Кезекульский), в котором восстанавливается карельский оригинал **Kezäkylä* > Летняя деревня. Возможно, что на этом острове существовало некогда саамское поселение, которое использовалось непродолжительное время летом во время рыбного промысла. О таком виде саамских поселений на севере Норвегии пишет, например, норвежский археолог Кьерсти Сканке, отмечая, что расположение севернорвежских стоянок схоже с поселениями восточносаамских сообществ в историческое время, когда летом большинство мужчин перебиралось на небольшие островки для рыбной ловли и охоты [Сканке 2002: 65-66]. Стоит отметить и то, что на острове находится Кезекульская часовня, которой, по рассказам жителей деревни Летняя Река, около 300 лет. Можно предположить, что строительство часовни было мотивировано на определенном этапе истории тем, что вышеупомянутый остров мог являться священным местом для местного саамского населения и использовался ими для различных видов религиозной деятельности. Возможно, что появление в топонимии Беломорья названий островов с основой Лопский/Лобский может быть также связано с одним из указанных выше видов деятельности саамов-лопарей.

В то же время, в ряде случаев практически невозможно точно указать, к какому языку восходит то или иное русскоязычное название, поскольку в их основе можно видеть как прибалтийско-финский, так и саамский оригинал: ср. пр-фин. основа *leirä* ‘хлеб’ - саам. *leaiibi* ‘ольха’: Лейпручей (Шуерецкое); пр-фин. основа *kukko* ‘петух’ - саам. *guhkes kugkes* ‘длинный’: Куккорга (Колежма); пр-фин. основа *kudu* ‘нерест’ - саам. *kuud* ‘змея’: Кудручей (Шуерецкое); Кудозеро (Лапино); пр-фин. основа *kondu* ‘двор, дворовая деревня’ - саам. *konte* ‘дикий олень’: Кондостров (Колежма); пр-фин. основа *kala* ‘рыба’ - саам. *kalli* ‘скала’: Калнаволоок, Калостров (Поньгома).

Считается, что на смену саамам в Поморье приходит карельское население. Недаром территорию вдоль побережья Белого моря от Кемь на юге до границы Карелии и Мурманской области традиционно называют сейчас Карельским берегом. Фактором, привлекавшим новых жителей на побережье Белого моря и прилегающие к нему территории, был, очевидно, морской рыболовный промысел, охота на морского зверя, а позднее и солеварение. Первое знакомство карел с Беломорьем относится, по мнению Д. Бубриха, к XIII веку. При этом он не исключает возможности, что отдельные проникновения представителей корелы по пути, шедшему к Белому морю, могли иметь место очень рано [Бубрих 1947: 32]. Однако самые ранние документы, донесшие до нас сведения о пребывании карел на побережье Белого моря, относятся только к XV веку.

При этом возникает естественный вопрос о путях проникновения карел со своей прародины на север и северо-восток к побережью Белого моря. Ясно, что в то время тележных дорог не было и единственными путями передвижения являлись реки и озера. На север к Белому морю вело три основных пути. Один шел из Приладожья по рекам Шуе или Суне к Онежскому озеру, дальше волоком через Маткозеро к Выгозеру, откуда путь к Беломорскому побережью мог быть продолжен по нескольким маршрутам. Другой путь шел через город Корелу по берегу Ладожского озера, затем по внутреннему водному “карельскому пути” к Сегозеру и Выгозеру в Средней Карелии и далее к западному берегу Белого моря [Бубрих 1947: 39; Витов 1962: 44]. Кроме двух вышеупомянутых в средние века существовал хорошо известный карелам путь из Приладожья в Приботнию, который проходил через озеро Пиэлинен, находящееся в финляндской Северной

Карелии [Jaakkola 1956: 263-264], откуда можно было попасть на озеро Лексозеро в Ребольской волости и далее по рекам и озерам на реку Кемь, а по ней к Белому морю.

Из купчих грамот первой половины XV века известно, что территория Карельского и Поморского берегов Белого находились во владении “пяти родов карельских детей” (рокульцев, вальдольцев, каргольцев, тиврульцев, и вымольцев), которые продавали участки не только друг другу, но и новгородским светским и духовным феодалам [ПИОК: 15]. Сведения об этих родах мы находим на территории Приладожской Карелии [Kirkinen 1988: 94]. Их представители пользовались привилегиями на торговлю с лопью, взявая бразгу с угодий и земель в местах своего проживания. Это позволяет предполагать, что лопь достаточно рано попала в зависимые отношения от отдельных “карельских детей”, которые некогда захватили земли лопи и обложили их данью. Интересен и тот факт, что в качестве продающих выступают в большинстве случаев отдельные лица, продающие свои индивидуальные владения, что указывает на древнее происхождение карельского землевладения [МПИК: 24].

Начиная с XIV века на юго-западном побережье Белого моря появляется русское крестьянское население, при этом приоритет здесь, по мнению Т.А. Бернштам, принадлежал выходцам из Новгородской земли, которые были вкраплены в довольно густое карельское население [Бернштам 1978: 43-44]. Таким образом, можно предположить, что на протяжении нескольких веков в поселениях Поморского и Карельского берегов проживало как русское, так и прибалтийско-финское население.

Будучи сегодня русской по употреблению, топонимия обследуемой территории содержит значительный пласт названий карельского происхождения. Здесь в большом количестве представлены карельские топоосновы, бытующие как в макротопонимии, так и на микротопонимическом уровне. Наличие карельского субстратного компонента подтверждается и значительным количеством зафиксированных здесь топонимов-полукалек. Все это, на наш взгляд, позволяет констатировать относительно недавнее обрусение карельских поселений этой территории.

Топонимия беломорских сел позволяет с уверенностью говорить о том, что русские переселенцы именно подсеялись в среду

прибалтийско-финского населения, которым уже достаточно рано были освоены прилегающие к поселениям окрестности. Об этом свидетельствует, например, закрепившийся в топонимах ряд слов, связанных с сельским хозяйством и животноводством, ср. Вирандозеро (Нюхча): *viranda ‘распаханное поле, где был лес’, Гухтенный остров (Калгалакша): huuhta ‘подсека’, Касельга (Нюхча): kaski ‘подсека’, Ламбастров (Сухой Наволок), Ламбаслуда (Нюхча), урочище Ламбажгородка (Поньгома): lammas ‘овца’, Озранаволок или Возорनावолок (Нюхча): ozga ‘ячмень’, Палоостров (Гридино), Пал(о)नावолок (Поньгома, Шуерецкое, Вирма), Палашелья (Нюхча): palo ‘подсека, выгоревшее место в лесу’, Пелдотайбольский порог (Поньгома): peldo, peldo ‘поле’, Пур(н)नावолок (Гридино): pu(u)gni ‘небольшой амбар’, Расनावолок (Колежма), Разनावолок (Унежма), Разоостров (Вирма): gasi, razi ‘подсека, оставшаяся неспаленной’, Ригпорог (Нюхча): rihi ‘рига’, Сордовский ручей (Сухой Наволок): sordo ‘изгородь из валежника, огороженное пастбище, выгон’, Шалгоболото (Летняя Река): šalgo ‘шест, жердь в стогу сена’. В целом из списка, включающего несколько сотен субстратных топооснов, часть представлена именно в микротопонимах, т.е. в наименованиях мелких, не имеющих широкой известности географических объектов. Данный факт может, на наш взгляд, свидетельствовать о достаточно поздних контактах прибалтийско-финского и русского населения в пределах обследуемой территории. Для примера приведем несколько названий полей, зафиксированных в селе Нюхча: Каски (кар. kaski ‘подсека, пожар’), Редерья (кар. *Reduorgo, redu ‘грязь’, orgo ‘низина, ложбина’), Сорда (кар. sordo ‘изгородь из валежника, огороженное пастбище, выгон’), Пивка (вепс. pihk, ливв. pihku ‘молодой хвойный лес; мелкий молодой лес, выросший на подсеке’, помор. пивка ‘густой мелкий лес’) [Мызников 2003: 109], Волхово (фин. olhova или alho ‘ложбина, низинное место’) [Nissilä 1975: 29], Каранки (кар. karanko, karango ‘сухое дерево’), Варзанга (кар. varza ‘жеребенок’).

В большом количестве представлены в Беломорье относительно прозрачные карельские (прибалтийско-финские) топоосновы, бытующие на макротопонимическом уровне, т.е. выступающие в названиях крупных географических объектов: ср. возвышенности Видгора (Унежма): кар. viida ‘густой ельник’, Кимгора (Нюхча):

кар. *kiima* ‘токовище, ток’, Кузгоры (Колежма): кар. *kuuzi* ‘ель’, мысы Лат(ь)наволоок (Вирма): кар. *lato* ‘сарай’, Калнаволоок (Поньгома): кар. *kala* ‘рыба’, Коппалнаволоок (Шуерецкое): кар. *korralo* ‘глухарка’, корги Ужкорга (Сумпосад): кар. *uuzi* ‘новый’, Гейнакорга (Поньгома): кар. *heinä* ‘травы’, заливы Лахта (Нюхча): кар. *lahti* ‘залив’, Кивгуба (Кемь): кар. *kivi* ‘камень, каменный’, Умпопога (Кемь): кар. *umpi + pohja* ‘закрытый + основание залива’), ручьи Силдоручей (Гридино, Шуерецкое): кар. *silda* ‘мост’, Кярмеручей (Кемь): кар. *kiärme* ‘змея’, Шонгоручей (Поньгома): кар. *šonka* ‘самка лосося’, Габручей (Нюхча): кар. *huaba* ‘осина’, острова Хедостров (Нюхча): кар. *hieda* ‘песок’, Мягостров (Кемь, Сумпосад): кар. *mägi* ‘гора, горка’, Пертестров (Шуерецкое): кар. *perti* ‘дом, изба’, луды Гаммашлуда (Кемь): кар. *hammas* ‘зуб’, Варбалуда (Шуерецкое): кар. *varba* ‘ветка, хворост’, Петролуда (Юково): кар. *petra* ‘олень’, пролив Каясалма (Кереть): кар. *kaita: kaijan* ‘узкий’ + *salmi* ‘пролив’, озера Калмозеро (Нюхча): кар. *kalma* ‘могила’, Коверозеро (Княжгуба): кар. *kovega* ‘изогнутый’) Мяндозеро (Калгалакша): кар. *mändy* ‘сосна’, Укозеро (Колежма): кар. *ukko* ‘старик’, пороги Тухкопадун (Ковда): кар. *tuhka* ‘пепел’, Роккопорог (Калгалакша): кар. *rokka* ‘похлебка’ или *Rokko* ‘Прокофий’, Кордехпорог (Шуерецкое): кар. *korteh* ‘хвощ’, Видпорог (Сумпосад): кар. *viida* ‘густой ельник’, а также многие другие, свидетельствующие о былом прибалтийско-финском прошлом этой территории.

Среди зафиксированных на исследуемой территории географических названий есть и такие топонимические модели, на основании распространения которых можно установить, например, пути и время карельской миграции в Поморье.

Так, показательным топонимическим типом, зафиксированным в ходе экспедиции, является группа названий с основой *Nilas-/Nilos-* > Нилакса, распространение которых связано с продвижением карел из Приладожья. Карельским говорам северного Приладожья известен географический термин *nilas* или *nilos* (основа *nilakse-/nilokse-*) со значением ‘подводная или омываемая водой скала’. Ареальная характеристика топонимов с основой *Nilas-/Nilos-* свидетельствует, что они проникают в Поморье по водно-волоковым путям, которые использовались карелами в средневековье (рис. 1). В Поморье известны порог Нилакса на реке Нюхча, скала Нилакса в Шуерецком, остров Куричья

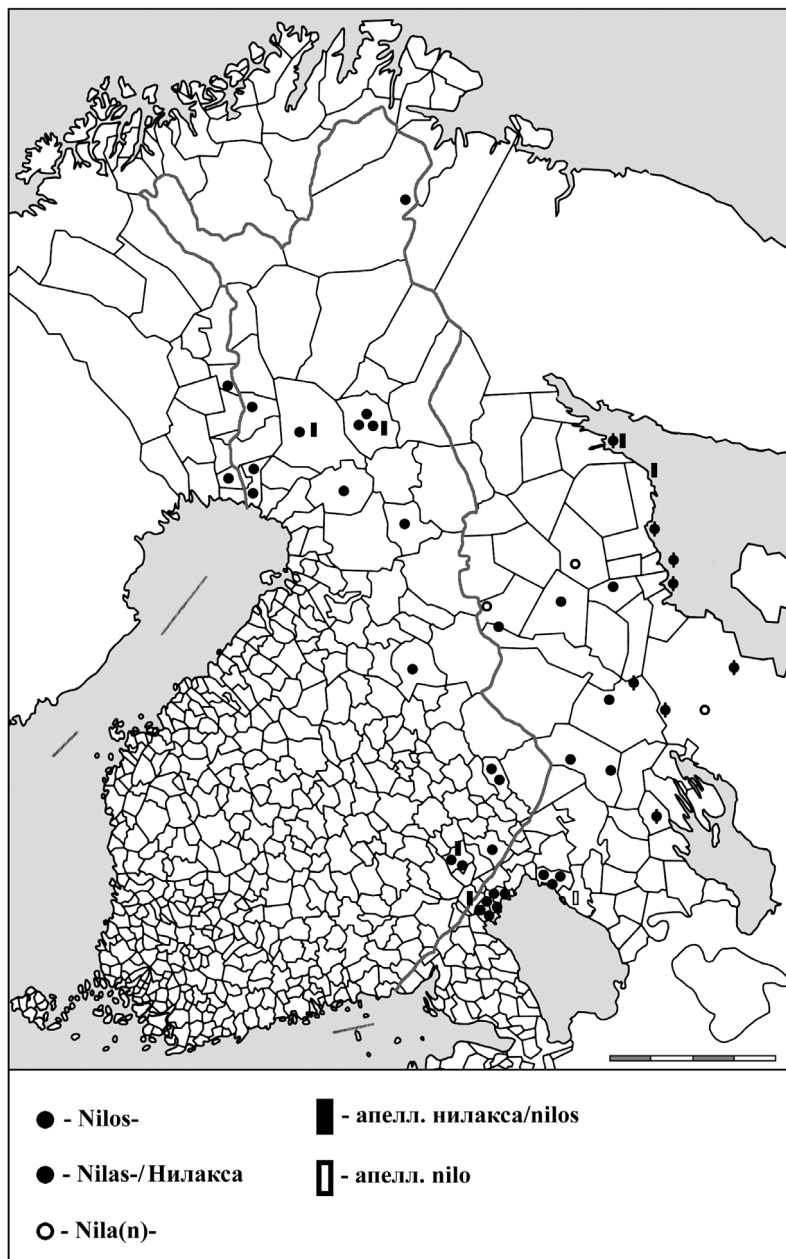
Нилакса в окрестностях города Кемь, мель Енекорская Нилакса в Поньгоме, скалистые отмели Киберинские Нилаксы в районе Керети. Здесь же, в Керети, зафиксирован и географический термин нилакса ‘подводная гладкая скала’.

Говоря о времени появления модели в топонимии как Беломорья, так и Карелии в целом, стоит обратить внимание на зафиксированное в окрестностях деревни Коросозеро озеро Нилозеро, которое, по всей видимости, упоминается в 1563 году в Выгозерском погосте в форме Нилачьозеро (< *Nilas-) [ПКОП: 155]. Следовательно, к середине XVI века модель уже была известна на территории, прилегающей к Поморью, что не исключает возможности бытования ее и в топонимии жителей поморских деревень того времени⁹.

Среди показательных примеров и тип названий на Haiseva-/Haizeva-/Haisuja-/Haižuja-¹⁰ ‘плохо пахнувший’, который отразился, на наш взгляд, в названии болота Гайжевский (вар. Гайжегский) мох, находящегося у деревни Сухой Наволок. Названия этого типа в Беломорье являются достаточно древними, если примем во внимание упоминание в документе 1591 года, касающегося владения землей в Кемь, поселения с названием Гайжева Сторона [МПИК: 323] (*Haiževapuoli), совр. Гайжево. Модель также известна и топонимии сопредельных с Беломорьем русскоязычных территорий, например возвышенность Гайжужка (<*Gaižuga + -ка < *Haižuja-) на юго-западе от села Нюхча в окрестностях деревни Оштамозеро. Вполне возможно, что к этой группе относятся и географические объекты Вонючая губа (Вирма, Поньгома), Вонячие Острова (Летняя Река) и Вонючее озеро (Кереть), которые могут являться переводными кальками топонимов рассматриваемого типа. На эту мысль наводит тот факт, что в поморской топонимии для названия объектов, имеющих неприятный запах, более широко используется основа Кислый.

⁹ В то же время не исключается возможность того, что некоторые из указанных выше топонимов могли появиться в среде русскоязычного населения. Для образования названий был использован заимствованный в русские говоры термин нилакса. Однако сам апеллятив, без сомнения, восходит к карельскому географическому термину nilos/nilas со значением ‘подводная или омываемая водой скала’.

¹⁰ Топонимические материалы по территории Финляндии, представленные на данной и других картах (Haiseva, Häme-, Kemi, Oulu-) , взяты из исследований финских авторов [Vahtola 1975, 1980 и Kiviniemi 1971].

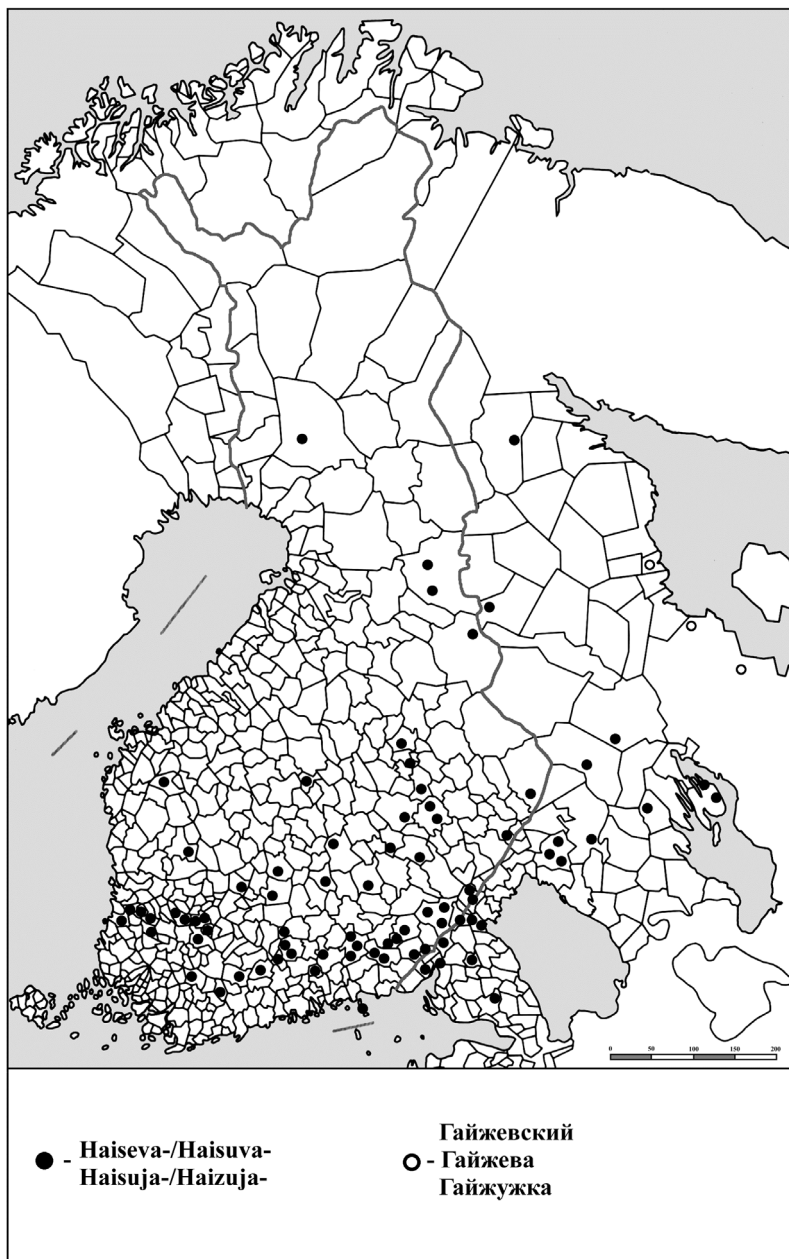

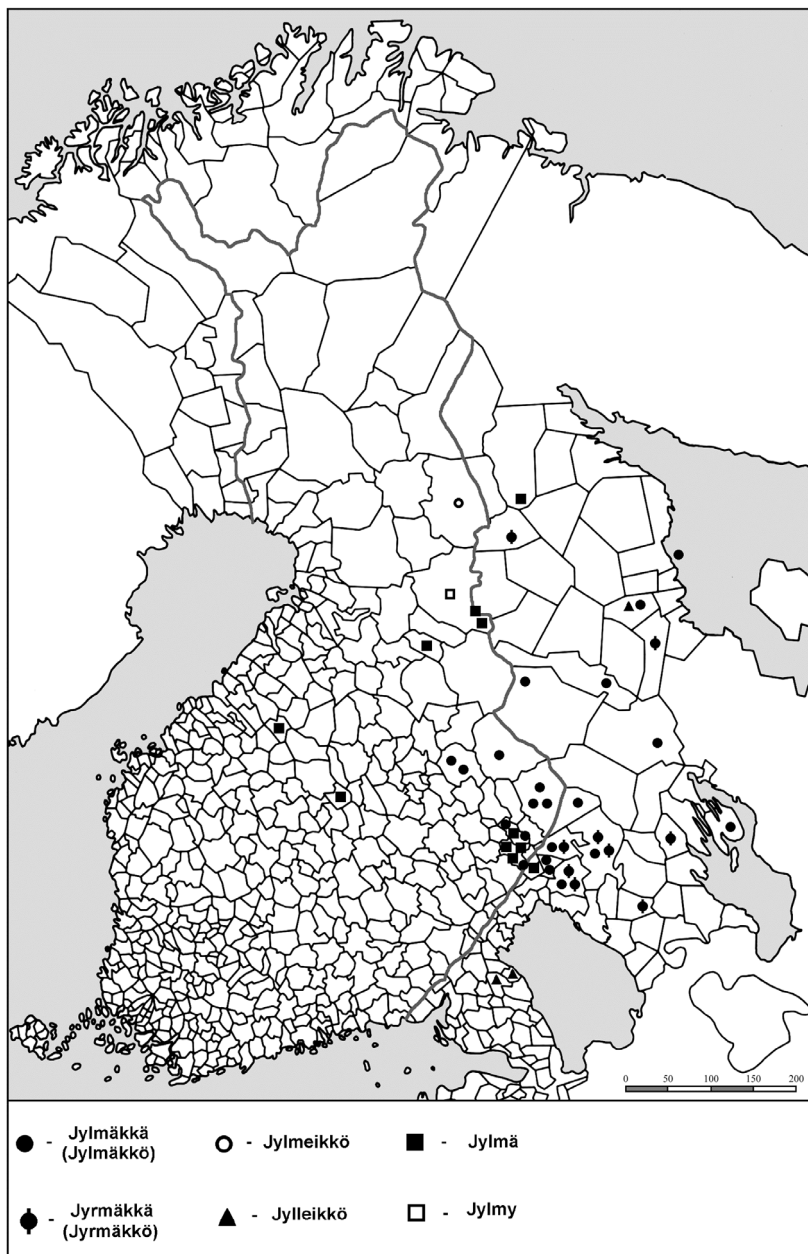
Картографирование модели показывает (рис. 2), что ее распространение может быть связано с продвижением карельского населения в XV-XVI веках из Приладожья на северные промысловые территории, что и повлекло за собой появление названий во внутренних частях Карелии, Заонежье и на побережье Белого моря.

К этой же группе можно отнести и названия с топоосновой Рокса (<*Röksä-). Аппелятив röksä со значениями ‘бурелом; буреломное возвышенное труднопроходимое место’ зафиксирован в северо-западном Приладожье [SMSA]. На этой же территории присутствуют и названия интересующего нас типа. Не противоречит вышеупомянутой ландшафтной характеристике зафиксированная в окрестностях села Нюхча возвышенность Рокшесельга. По словам информаторов, это “страшно заваленное, буреломное место”. Из Приладожья данная модель именования распространяется первоначально на восток на территорию Заонежья¹¹, где фиксируется уже в 1599 году в Кижском погосте, ср. дер. Рокса [МПИК 1941: 368]. Позже модель проникает, видимо, и на беломорское побережье. С другой стороны, часть названий этого типа в Карелии может быть связана с известным в саамском языке аппелятивом *ruokse/ruoksa* со значением ‘мох’ [Itkonen 1948: 132].

Показательным примером освоения беломорского побережья карельским населением является и топонимная модель Юлмаки, закрепившаяся в качестве названия острова в окрестностях деревни Летняя Река. Если обратимся к карте (рис. 3), то увидим, что названия этого типа присутствуют на сопредельных с Беломорьем карельских территориях, выступая здесь в названиях возвышенных участков рельефа. Таким образом, данный факт позволяет связывать истоки топоосновы с карельским ландшафтным термином *jylmäkkä* ‘круглая гора, крутой склон’, зафиксированном в говорах Суоярви [KKS] в северном Приладожье. Картографирование модели Юлмаки показывает, что беломорская фиксация – это северо-восточная граница довольно обширного ареала, тянущегося из северного Приладожья через центральную Карелию (Сегозерье, Ругозерскую, Шуезерскую и Маслозерскую волости) к Белому морю вдоль путей карельской экспансии. Летнерецкое название острова Юлмаки хорошо вписывается в этот карельский ряд, представленный в топонимии современной Карелии серией фонетических вариантов *Jylmäkkä, Jylmäkkö, Jyrmäkkä, Jyrmäkkö, Jyrmeikkö*.

¹¹ О заонежских Роксах см. подробнее Муллонен, Ляля 2006.

Рассматривавшая распространение данной модели в Заонежье И. Муллонен приходит к выводу, что присутствие названий на Юлмаки во внутреннем Заонежье говорит в пользу их относительно позднего появления, поскольку есть определенные исторические свидетельства, указывающие на освоение центральных районов Заонежского полуострова в период после XVI века [Муллонен 2003: 323]. Возможно, что к этому времени можно отнести и появление острова с названием Юлмаки в топонимии беломорского побережья.

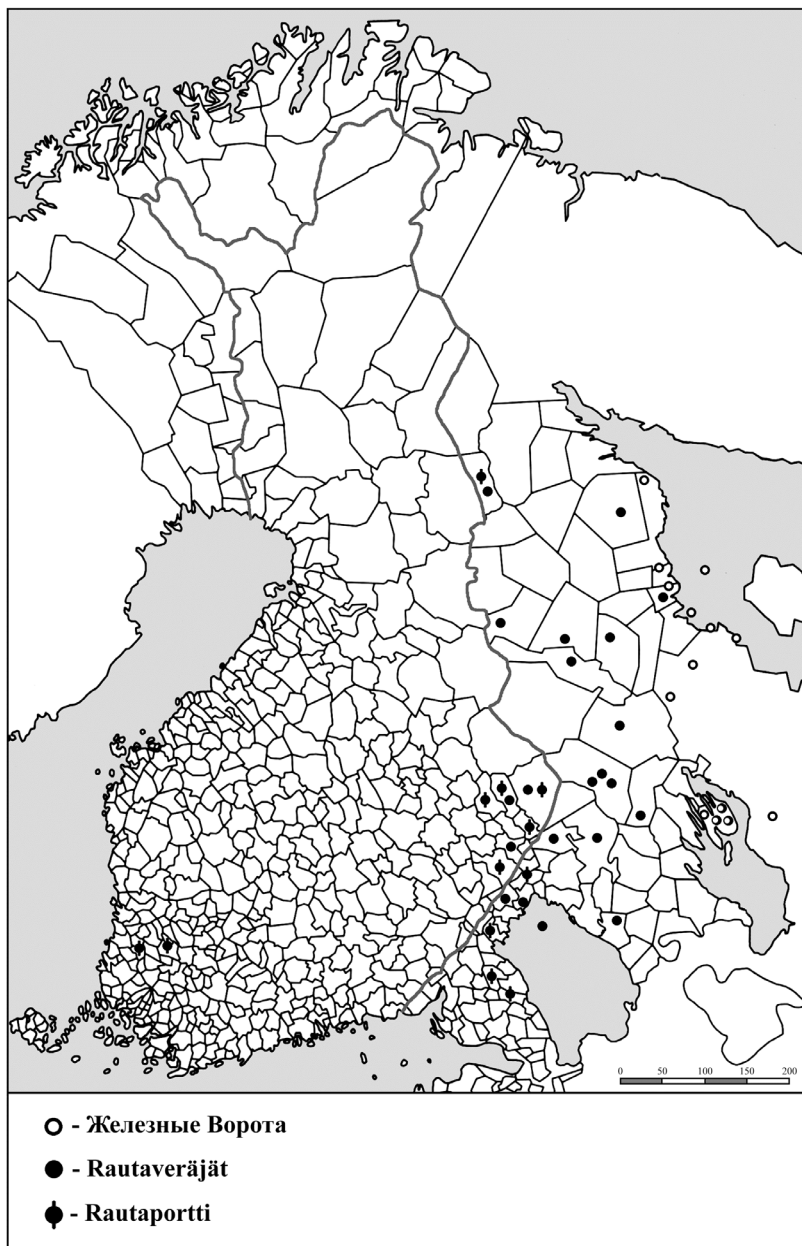
Еще одним дифференцирующим карельским типом, выступающим, как и в предыдущем случае, в названиях возвышенных участков местности, является группа топонимов с основой Малья/Маль(е), в которых восстанавливается карельская основа *Mal'ŋa-* (кар. *mal'ŋa* 'миска, чаша'). Данная метафорическая модель использовалась карельским населением для называния возвышенностей, которые по форме напоминают перевернутую вверх дном миску. В Беломорье рассматриваемая модель фиксируется в названии острова Маль(е)стров в окрестностях Сумпосада, а также наименовании трех возвышенностей в районе села Колежма, ср. Мальягора Горная и Морская, а также Малья Угловая.

В современной карелоязычной топонимии сопредельных территорий модель не имеет широкого распространения, что, возможно, свидетельствует об ее относительной древности. Она известна в соседней с Шуерецким деревне Маслозеро (ср. возвышенность *Mal'ŋakka*), в деревне Кестеньга (ср. возвышенность *Mal'ŋavuaga*) на севере Карелии, а также, по всей видимости, в русскоязычном названии озера Мальеозеро (**Mal'ŋajärvi*), зафиксированном в районе карельской деревни Пильдозеро на северо-востоке Беломорской Карелии. Кроме этого, она фиксируется в топонимии карел-ливвиков и в Заонежье.

Следующий пример представлен также метафорической моделью Железные ворота < **Rautaveräjät/Rautaportti*. Центр карельских названий данной модели находится на территории Северного Приладожья, там, где сформировался карельский этнос. Данная модель практически отсутствует на соседних прибалтийско-финских территориях, но широко распространена на сопредельных с Карелией русскоязычных территориях. Возникает вопрос: могла

ли модель Rautaveräjät/Rautaportti появилась в карельской среде самостоятельно или же она была усвоена в результате контактов с русским населением? Вопрос этот достаточно сложный и на данный момент трудноразрешимый, поскольку отсутствие сведений с территорий, сопредельных с карельским Приладожьем, не позволяет выявить возможные пути проникновения интересующей нас модели на территорию Приладожья.

Модель Rautaveräjät/Rautaportti используется в карельской топонимии для называния узких скалистых ущелий, через которые проходили дороги, тропинки или зимники, а также порогов. На исследуемой территории Беломорья зафиксировано несколько названий этого типа: ср. отвесные скалы Железные Ворота в озере Кивиканда на севере Карелии у деревни Соностров, урочище Железные Ворота, через которое проходила тропа, в окрестностях деревни Летняя Река, две скалы Железные Ворота между которыми проходил зимник, в районе Кеми, порог Ворота (ср. кар. Raudaveräjät 'Железные ворота') на территории современного города Кемь, проливы Железные Ворота Северные и Южные на Соловках, мель Железные Ворота в Сумпосаде, проливы и каменная гряда Железные Ворота Большие и Малые в районе села Колежма, каменная гряда в море Железные Ворота в Сухом Наволоке. Кроме этого, на более южных русскоязычных территориях известно урочище Железные Ворота через которое проходил зимник в деревне Ендогуба, а также, возможно, идентичное по географической характеристике скалистое место Царские Ворота на реке Сегежа в районе деревни Ловище в Выгозерье. Картографирование модели показывает (рис. 4), что все названия, зафиксированные в топонимии русского Беломорья, являются продолжением единого ареала, который тянется вдоль путей карельской экспансии от берегов Ладожского озера через центральную Карелию (Сегозерье и Выгозерье) к Белому морю. Таким образом, русскоязычная модель Железные ворота является логичным продолжением карелоязычных названий на Rautaveräjät/Rautaportti, и может рассматриваться, на наш взгляд, как переводная калька карельской модели. Отметим также, что поморские топонимы этого типа идентичны по семантике с карельскими названиями.

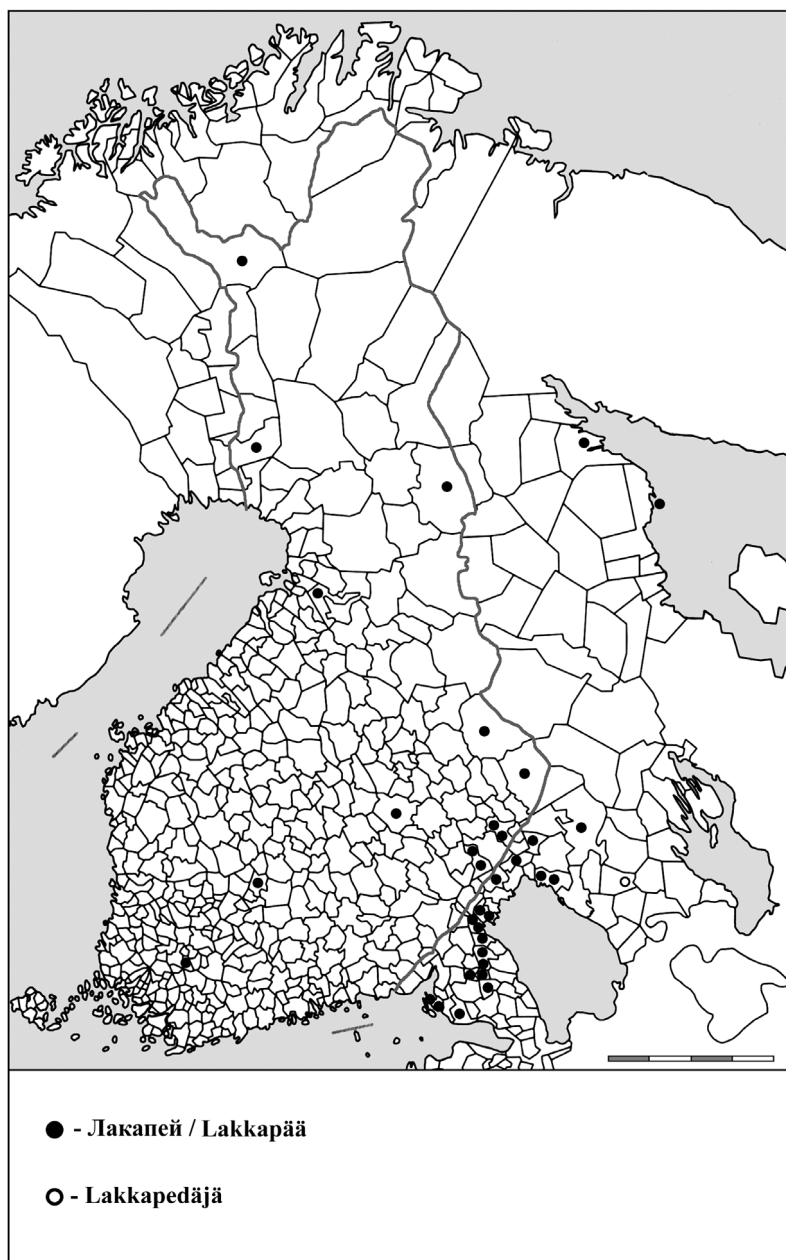

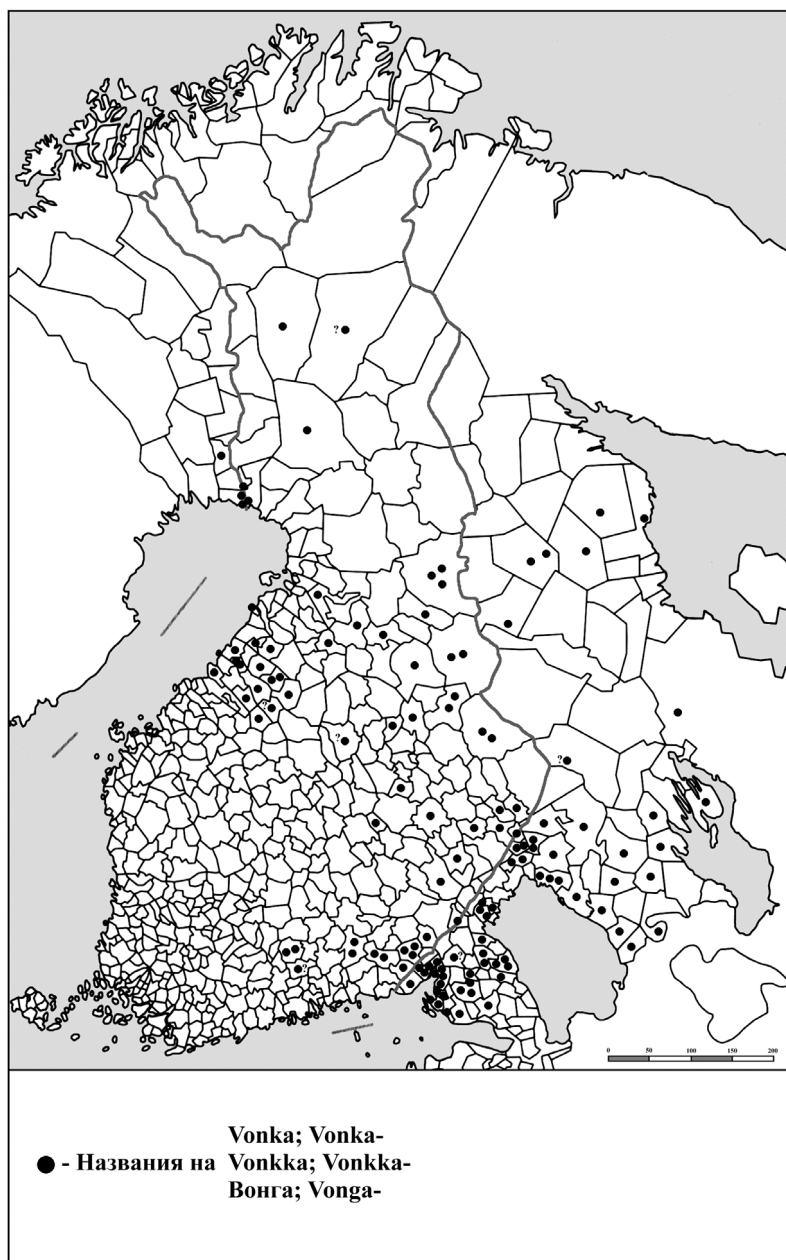
В то же время нельзя исключать возможности того, что названия рассматриваемого типа в Поморье могут быть и русскими по происхождению, а их появление связано с продвижением на север через Обонежье по Свири населения из сопредельных с Карелией более южных новгородских земель.

Еще одним показательным примером может быть зафиксированная в топонимии Поморья модель Lakkarää, которая отразилась, по всей видимости, в названии острова Лакапей в окрестностях деревни Калгалакша. В основе названий этого типа лежит апеллятив lakkarää со значением “сосна с ветвистой и ровной верхушкой”. Подобные деревья являются достаточно приметными на местности, поэтому выступают иногда в топонимии Финляндии в наименовании пограничных объектов [NA].

Достаточно сложно говорить в данный момент о времени появления модели на территории Карелии, поскольку топонимов этого типа зафиксировано мало (рис. 5). Помимо вышеупомянутого острова, интересующая модель фиксируется на севере Карелии в непосредственной близости от побережья Белого моря в топонимии карельской деревни Верхняя Пулонга, где известна тоня Lakkarienaraja. Поскольку названия рассматриваемого типа являются прибалтийско-финскими по происхождению и пока не обнаружены на внутренних карелоязычных территориях, то можно предположить, что они могут быть достаточно старыми, а их появление можно отнести, на наш взгляд, к периоду не позднее XV-XVII веков.

На территории исследуемого региона в окрестностях деревни Поньгома зафиксировано название реки Воньгарека (кар. Vongajoki), которая впадает в залив Белого моря с названием Воньгагуба. В современной топонимии Финляндии тип на Vonk(k)a- считается карельским по происхождению [Vahtola 1980: 339]. Его картографирование указывает (рис. 6), что основной ареал названий находится на Карельском перешейке и в Северо-Западном Приладожье. Данный факт, по всей видимости, может свидетельствовать о том, что рассматриваемая модель появилась именно здесь. В пользу этого говорит и тот факт, что в Северо-Западном Приладожье фиксируется и соответствующий апеллятив vonk(k)a со значениями ‘конец залива, изгиб берега, излузина реки, углубление в водоеме’ [MSA].

Как на финском фоне выглядит рассматриваемая топонимическая модель на Vonk(k)a- в Карелии?

Апеллятив *vonga/vongu/vong(e)* со значениями 'излучина реки, залив, омут, плес, водоворот' известен ливвиковскому и людиковскому наречиям карельского языка, а также ряду южных переходных говоров собственно-карельского наречия в Финляндии. В топонимии основная масса названий с использованием этого апеллятива также встречается преимущественно на территории проживания карел-ливвиков и карел-людиков. Фиксируются они и на вепсских территориях, где известен апеллятив *bong* со значениями 'омут, глубокая и широкая часть реки' [ПФГЛ: 101].

В то же время обращает на себя внимание отсутствие апеллятива *vonk(k)a* на собственно-карельских территориях, а также единичные фиксации названий рассматриваемого типа в собственно-карельском ареале расселения. Если этот факт не является издержкой сбора топонимического материала с вышеупомянутых территорий, то можно говорить о том, что при переселении, по крайней мере, второй и третьей волн карелы на новые территории (XVI-XVII века) модель наименования с основой *Vonk(k)a-* уже не использовалась. А это, в свою очередь, дает основание предполагать, что данный тип топонимобразования может быть связан с более ранними периодами освоения карельским населением внутренней территории Карелии и беломорского побережья.

Если обратимся еще раз к карте распространения модели, то увидим, что северно-карельские названия с основой *Vonk(k)a-* хорошо привязываются к одному из ответвлений известного средневекового карельского пути из Приладожья в Приботнию, используя который, можно было попасть на побережье Белого моря. Активное использование приладожскими карелами данной водно-волоковой магистрали связывается с периодом после захвата Приладожской Карелии Швецией в 1278 году. Именно с конца XIII века карельские выходцы устремились осваивать отдаленные северные промысловые территории, которые находились на северо-восточном побережье Ботнического залива и в районе вокруг озера Оулуярви [Kiviniemi 1971: 84]. Возможно, что именно с распространением этого населения могли появиться названия на *Vonk(k)a-* как

на побережье Ботнического залива, так и в Беломорской Карелии. Подтверждением правомерности такого предположения является, на наш взгляд, достаточно раннее упоминание интересующей нас реки Вонга в письменном источнике XV века [МПИК: 309].

Таким образом, зафиксированные в Поньгоне топонимы этого типа хорошо вписываются в данный карельский ряд, являясь логичным завершением довольно обширного ареала, который тянется с Карельского перешейка и Северного Приладожья, с одной стороны, на северо-запад к берегам Ботнического залива, с другой, на северо-восток к побережью Белого моря.

Есть основание предполагать, что и за некоторыми другими топонимами Беломорья скрываются карельские оригиналы, являясь, таким образом, переводными кальками традиционных карельских топонимных типов. Среди них, например, поворот реки Нюхчи – Журавка, название которого может быть калькой метафорической модели Kurenpolvi ‘колено журавля’, которая используется карелами для именования крутых поворотов на реках, напоминающих по форме ‘ногу’ журавля. Другой пример – порог Семь Плесов на реке Кереть, который упоминается уже в документе 1544 году [АСМ 1479–1571: 67]. В карельской топонимии известен тип топообразования Seičenoikie ‘Семь Плесов’, который используется при наименовании длинных по протяженности порогов. Следующий пример – Бобровый ручей в окрестностях Нюхчи, название которого, по всей видимости, связано с текущим в полутора километрах от него ручьем Майручей. В основе последнего восстанавливается карельский оригинал Maïua со значением ‘бобр’. Переводной калькой может быть и название крупного камня Коничек в селе Нюхча, о чем, возможно, свидетельствует название расположенного рядом с ним поля Варзанга (ср. кар. *varga* ‘жеребенок’), а также зафиксированное в деревне Черная Река сельскохозяйственное угодие Щетински. Вариантом последнего является название Тукач, в котором восстанавливается карельская форма **Tukašči*, (из *tukka* ‘волос, волосок’ + суффикс *šči*).

Таким образом, становится очевидным, что прибалтийские финны Беломорья жили до их ассимиляции достаточно продолжительное время вместе с русскими. Подтверждают данный факт и данные диалектологии. Исследовавшая в 60-х гг. XX века поморскую лексику И. В. Сало отмечает, что в русских говорах Поморья

сохранилось значительное количество прибалтийско-финских и даже саамских заимствований. Особенно много их в области рыболовства и лесного хозяйства, а также среди географической терминологии. [Сало 1966: 19]. В качестве примера приведем ряд слов, используемый местным русским населением поморских сел исследуемого региона: канабра ‘багульник’ (кар. kanabra ‘вереск’), кореха (кар. kuoreh ‘корюшка’), в топонимии Корехостров; луда ‘остров; отмель с выступающими над поверхностью воды камнями’ (кар. luodo ‘риф, песчаная отмель’), в топонимии Нюхослуды, Крестовая луда; корга ‘каменистая подводная отмель’ (кар. korgo ‘каменистая подводная отмель’), в топонимии остров Корги, порог Косая Корга; щелья ‘каменистое возвышенное место’, в топонимии Белая щелья; лахта ‘заводь, залив на реке’ (кар. lahti ‘залив’), в топонимии Ржаная лахта, коппала (кар. korpala ‘глухарка’), ламба (кар. lambi ‘небольшое озеро’), торбалка (кар. tarboin ‘ботало’), урак (кар. urakka ‘двухгодовалый домашний олень-самец’), вонделица (кар. vuonnelo ‘двухгодовалая самка домашнего оленя’), улайдать (кар. ulissa ‘выть, голосить’) и многие другие, отражающие различные стороны традиционной поморской культуры.

При этом отметим, что в некоторых названиях на исследуемой территории до сих пор сохраняются карельские особенности в произношении, что может быть свидетельством относительно поздней ассимиляции карельского населения: ср. Кордехпорог (Шуерецкое), Леппозеро (Поньгома), Палонаволоок (Поньгома), Ковераозеро (Княжгуба), Пиртозеро (Калгалакша), Кивигуба (Чупа), Шитталамбина (Кереть) и др. Данная особенность свойственна, главным образом, топонимии Карельского берега Белого моря, где вплоть до начала XX века связь со смежными карельскими территориями была более тесной, чем на юге исследуемого региона.

Об ассимиляции прибалтийско-финского населения свидетельствуют также современные фамилии жителей поморских деревень, восходящие к карельским антропонимам: Карельские, Шамалуев, Кулкарин (Нюхча), Пакулин (Колежма), Койбин, Шуттиев (Сумский Посад), Каншиев (Шижня), Тиммиев (Черная Река), Карвариндин, Миккуев (Ковда), Коргуев, Таскаев, Тимиев (Кереть), Маюрев (Княжгуба), Адеев, Югаров (Летняя Река), Кутчев, Миков (Поньгома) и др.

Отметим, однако, что на сегодняшний день в обследованных населенных пунктах процент фамилий прибалтийско-финского происхождения все же достаточно мал в сравнении с фамилиями, которые имеют русские истоки, не говоря уже о документах XVI века, в которых в населенных пунктах Поморского берега и южной части Карельского берега (Кемь, Шуерецкое) фиксируется более сотни родовых прозвищ прибалтийско-финского происхождения.

В то же время процент населения, имеющего прибалтийско-финские корни, может быть выше как среди современных жителей поморских сел, так и среди тех, кто фиксируется в документах с русскими именами и родовыми прозвищами. Связано это с тем, что имена и фамилии, зафиксированные в документах, очень часто ничего не дают для определения этнического состава населения, проживающего в том или ином населенном пункте. Официально прибалтийско-финское население было православным, поэтому их имена и родовые прозвища очень часто не отличались от русских даже в тех местах, где проживание прибалтийских финнов не вызывает сомнения.

Сложно, например, что-либо говорить об этнической принадлежности упомянутых в конце XVI века кемских жителей по фамилии Внуков или Пеляка [АСМ 1572-84: 87, 163], если не знать, что их потомки через сто лет упоминаются среди торговцев-карел, прибывших в 70 годах XVII века для участия в Каянской ярмарке: ср. Внукуа Карппа, Пёлляккяйнен Хома. Кроме них в списке участников более 20 человек карел из беломорской Кеми: Харакайнен Ипатти, Данссайнен Лаасари, Педри Кананпойка, Сяляхкяйнен Якоб, Куйсма Тимонпойка, Тийтта Тобиланпойка, Логина Степанович, Киурунен Даниел, Прёссюйнен Куйсма, Метцойнен Иван и др. [Kokkonen 2002: 365-372].

Как русского, так и прибалтийско-финского происхождения мог быть и упомянутый в Нюхче в документе 1583 года Павел Омелянов. В данном случае на помощь исследователю могут прийти данные топонимии. В 1563 году на берегах реки Нюхча существовала небольшая деревня Омелянова гора [ПКОП: 158-159], а сегодня известно название горки Мелёшинка, оформленное двумя следующими друг за другом суффиксами -щина и -ка. Производящей основой последнего названия выступает карельский вари-

ант русского православного мужского имени Емельян – Mel’o, что, возможно, свидетельствует о принадлежности Павла Омелянова к карельскому населению села Нюхча.

Можно предположить карельские истоки и у современного рода Козловых, также проживающего в селе Нюхча. На эту мысль наводит вариант название мыса Пакульского – Пуккила, на котором находились покосы жителей села. В его основе восстанавливается карельское прозвище Пукки (кар. *rukki* ‘козел’), оформленное прибалтийско-финским суффиксом *-la* с локативной семантикой.

В связи с упомянутым выше названием мыса Пуккила, кратко остановимся на карельской ойконимной модели *l*-ового типа, поскольку на основании ее распространения можно делать некоторые выводы о времени колонизации карельским населением побережья Белого моря.

В окрестностях села Нюхча зафиксировано и другое название *l*-го типа – возвышенность Ченжала, рядом с которой проходил тракт Малошуйка – Сорока. Заманчиво видеть связь названного топонима с карельской лексемой *čop’žoi* со значением ‘блоха’. Возможность существования подобного антропонима поддерживается, например, названием карельской деревни *Čondžoilu* (рус. Ченжойла), находящейся в Олонецком районе, а также данными родственного финского именослова, ср. современная фамилия *Kirppi* < апел. *kirppi* ‘блоха’ [Карлова, рукопись: 52]. Кроме Нюхчи *l*-овый тип встречается еще в ряде топонимов исследуемого региона: ср. остров Реболы в окрестностях села Сумпосад, в основе которого мы можем видеть древний прибалтийско-финский антропоним **Rebo*, восходящий к апеллятиву *rebo* ‘лиса’, а также, возможно, урочища Архапля в Колежме и Найгалеvская в Керети, в которых восстанавливаются прибалтийско-финские оригиналы **Arhippal’a* (< кар. *Arhippa* ‘Архип’ + *-l’a*) и **Naik(k)ala*. Такая реконструкция последнего топонима поддерживается, например, названием возвышенности *Naikkalanvuoga*, зафиксированной в окрестностях деревни Ухта (совр. пос. Калевала) на севере Карелии.

В среде карельского населения *l*-вый тип становится продуктивным при наименовании поселений в XV веке. При этом известно, что модель названий на *-la/-lä* присваивалась на первом этапе заселения первому дому, родовому гнезду, с которого род начи-

нался, где к имени основателя присоединялся суффикс -la/-lä [Кузьмин 2003: 67].

В связи с анализом данной модели наименования обратимся к документам середины XVI – первой трети XVII веков по Выгозерскому погосту, куда относилась часть сел Поморского берега Белого моря. В них фиксируется ряд поселений, оформленных формантом -ичи/-ицы (Койкиничи, Кяменицы, Пеженицы, Пижиницы, Та(й)гиницы, Тиканицы [Витов 1974: 120-142]), который использовался в русской топонимии для адаптации прибалтийско-финских ойконимов, образованных от нехристианских имен и прозвищ, оформленных суффиксом -la [Муллонен 2002: 85-86]. Подтверждением этому является, например, карелоязычный вариант названия деревни Кяменицы Kämmälä, которое, как мы видим, содержит интересующий нас формант. Таким образом, названия, зафиксированные в Поморье (главным образом, на юго-западном побережье) являются продолжением ареала названий поселений -l-ового типа, тянущегося из Средней Карелии (Сегозерья) через Выгозеро к Белому морю. Тем самым, они могут рассматриваться, на наш взгляд, в контексте средневековой карельской миграции, которая к середине XVI века достигает побережья Белого моря. Сохранение карельской -l-овой модели в топонимии сел Беломорья связано, на наш взгляд, с тем, что на момент переписи однодворные (малодворные) деревни Пуккила, Ченжала, *Ребола, *Архиппаля и *Найк(к)ала могли уже прекратить свое существование в связи с переселением их жителей, например, в более крупные поселения, но их названия остались функционировать в качестве одноименных урочищ, для обозначения которых тип на -ичи /-ицы уже не использовался.

Возвратимся еще раз к упомянутым выше фамилиям/родовым прозвищам прибалтийско-финского происхождения, которые фиксируются в документах XV-XVI веков. Большая их часть сейчас не известна русской антропонимии Беломорья, что, как казалось бы, может свидетельствовать о полной ассимиляции дорусского населения, проживавшего когда-то на побережье Белого моря. Однако на основании распространения карельских неофициальных фамилий и карелоязычной топонимии на сопредельных с Поморьем территориях можно говорить о том, что на определенном этапе

истории карельское население или переселилось, или было оттеснено русскими с побережья на внутренние территории. Ниже представлен для сопоставления ряд фамилий, упомянутых в документах по территории побережья, и их эквиваленты, фиксируемые в настоящее время среди карел, проживающих, главным образом, на территории бывших Тунгудской, Шуезерской, Маслозерской и Подужемской волостей: ср.

- Бузуй (Шуерецкое), 1598 [ИК I: 235] – фамилия Puzu (Шуезеро)
Гагарин, 1700-е годы (Кемь) [Pöllä 1995: 67] – деревня Kagara и фамилия Гагарин (Гагарино)
Геймиев (Сума) [ПКОП 1563: 162] – остров Neimonsuari (Лежево) и фамилия Rodn'a(zet) < *Heimo (Ушково): heimo 'род, родня, семья'
Гимиев (Сума) [ПКОП 1563: 160] – остров Nimonsuari (Нотоварака): пр.фин антропоним Nimo
Каргуев (Кемская волость), 1459 г. [МПИК: 24] – фамилия Медведев (Пильдозеро, Елманга): karhu 'медведь'
Кардеев или Кардиев (Кемь) [АСМ 1572-84: 23, 205] – фамилия Karttozet (Кевятозеро)
Конжуев (Кемь) [АСМ 1572-84: 214] – фамилия Konžuzet (Подужемье)
Костиев (Кемь), 1479-1488 гг. [МПИК: 117] – фамилия Kostizet (Лежево)
Лежеев (Кемь), 1630-е г. [Pöllä 1995: 55] – деревня Ležol'a (Лежево)
Лисица (Шуерецкое), 1597 г. [ИК I: 217] – фамилия Rebo (Пебозеро): rebo 'лиса'
Лузикин (Шуерецкое), 1598 г. [ИК I: 240] – фамилия Loškaset (Кизрека): luzikka 'ложка'
Метцойнен (Кемь), 1670-е годы [Kokkonen 2002: 365] – фамилия Mecoizet (Березово, Риговарака, Маслозеро)
Микуев (Кемь) [АСМ 1479-1571: 61] – фамилия Mikkoset (Шуезеро)
Муха (Шуерецкое) [АСМ 1479-1571: 137] – фамилия Kärpäzet (Пебозеро): kärpäne 'муха'
Ораванов (Кемская волость), XV в. [МПИК: 121] – берег Oravaizranda (Шомбозеро)
Пеляка (Кемь) [АСМ 1572-84: 163] – фамилия Pölläkkä (Курьяварака)

Пипитяев (Кемь) [АСМ 1572-84: 164] – фамилия Pipittäjä (Кургиево)
 Пичюев (Кемь) [АСМ 1572-84: 87] – озеро Piichönlambi (Маслозеро)
 Репьев (Сума) [АСМ 1572-84: 144] – фамилия Röppö, Реппиев (Афонино)
 Рухтин (Сума) [ПКОП 1563: 160] – дом Ruhtol'a (Кевятозеро)
 Силуев (Кемь) [АСМ 1572-84: 133] – деревня Siilanniemi (Летнее Озеро)
 Туруй (Кемь) [АСМ 1572-84: 118] – фамилия Turuzet (Березово, Подужемье)
 Ушкалов (Кемь) [АСМ 1479-1571: 242] – деревня Uskela (Ушково)
 Чевакин (Сум.волость) [АСМ 1572-84: 202] – часть деревни Čivakkala (Тунгуда)
 Югаров (Летняя Река) – фамилия Jukaraiset (Кизрека)

О приходе населения с территории Финляндии возможно свидетельствуют топонимы на Ям-/Ем-, в которых восстанавливается прибалтийско-финская основа *Näme(h)* со значением ‘емь’¹². На побережье Белого моря в пределах Карелии известно четыре топонима этого типа: ср. острова Еместров¹³ в Колежме и Ямостров (< **Näme(h)suari*) в районе села Шуерецкого, последний фиксируется в документе 1597 году как Гямостров [ИК: 218], ручей Ямручей, впадающий в Белое море рядом с Ямостровом, а также озеро Емозеро (вар. Ямезеро) (< **Näme(h)järvi*, находящееся также в окрестностях села Колежма.

Названия с основой *Näme(h)*- принято обычно считать свидетельствами бывшего емского влияния, которое распространилось когда-то на обширные территории. При этом географи-

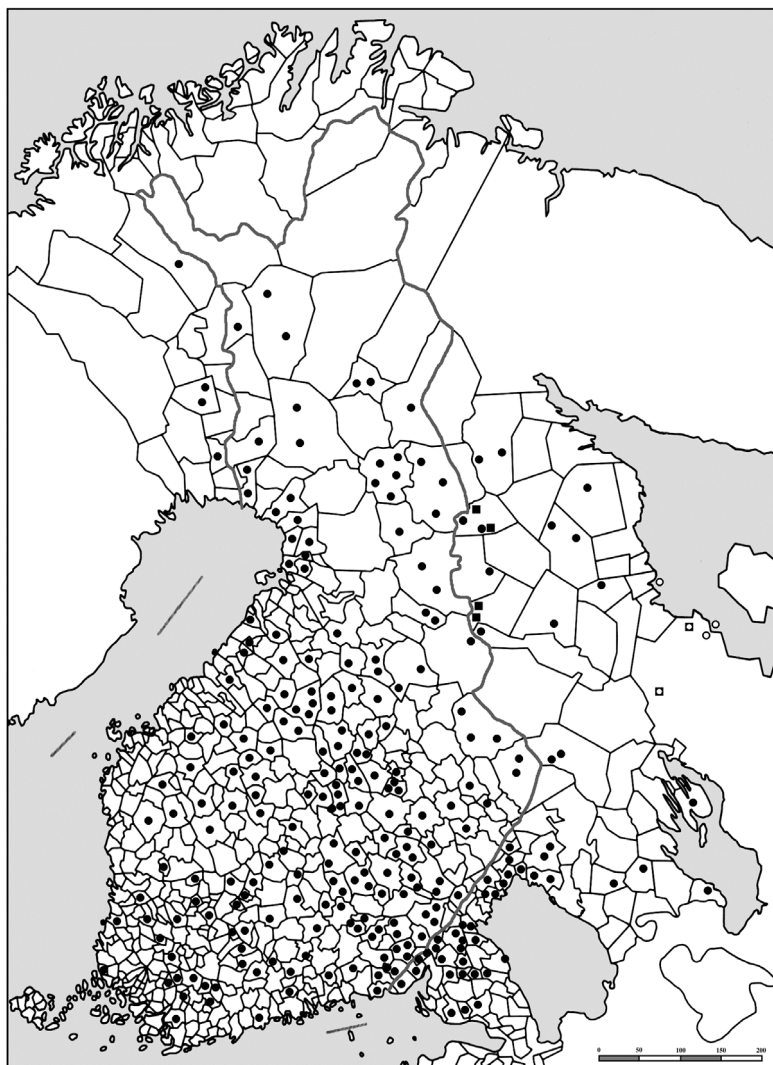
¹² В начале XIX века российскому ученому, одному из первых исследователей истории Финляндии А. Х. Лербергу, удалось найти ответ на вопрос, связанный с идентификацией племени емь, которое часто упоминалось в русских летописях IX-XIII веков. В своей работе “О местообитаниях еми” он установил, что “емь” русских летописей - это главное финское племя “*hāme*”, издавна жившее в южной Финляндии [Шаскольский 1950: 93].

¹³ На мысль о том, что топоним Еместров может иметь этэтнотонимические истоки, наводит, на наш взгляд, присутствие недалеко от него острова Лопский. Этэтнотонимические названия, как известно, возникают в результате контактов между представителями различных этносов, маркируя при этом территории и границы их расселения.

ческие названия этого типа, также как и другие модели предположительно емского происхождения, являются чуть ли не единственным источником, который мог бы подтвердить факт участия еми в колонизации территории современной Карелии.

Картографирование модели показывает, что названия с топоосновой *Nämeĥ-* фиксируется на территории проживания людиков и северных вепсов, в топонимии ливвиковского и собственно-карельского ареалов, главным образом в Беломорской Карелии, а также у русского населения Заонежья и Беломорья. (рис. 7). Наибольшая концентрация топонимов этого типа все же находится в Приладожье, на родовой территории карельского народа, и свидетельствует, по всей видимости, об активных контактах древней корелы и еми в пределах этой территории на ранних этапах истории.

Наибольший интерес для нас представляет группа этнотопонимов с основой *Nämeĥ-* на территории современной Карелии. Появление данной топоосновы может быть связано с карельской миграцией конца XVI – первой трети XVII века на территорию России. Это переселение приняло массовый характер при передаче Корельского уезда под власть шведской короны в феврале 1609 года [История Карелии: 113, 136], а также после Столбовского мирного договора 1617 года. Возможно, что вместе с карельским в Россию переселялось и некарельское население, результатом чего стало появление интересующих нас этнотопонимических названий. Подтверждением правомерности такого предположения может служить, например, указ царя Бориса Годунова об освобождении от выплаты налогов жителей Корельского уезда, в том числе финнов и шведов (“латышей Финские и Свейские земли”), переселившихся на территорию Корельского уезда во время его оккупации и не пожелавших возвращаться назад в королевство [История Карелии: 137]. Об этом свидетельствуют, на наш взгляд, названия объектов емского и карельского происхождения, которые находятся на всем протяжении тех водных путей, по которым когда-то продвигалось карельское население из Приладожья с территории бывшего Карельского уезда в современную Карелию.

● - Названия с основой Häme(en)-/Hämeh(en)-

○ - Названия с основой Гям-/Ям-/Ем-

■ - Фамилия/родовое прозвище Hämläini

□ - Фамилия/родовое прозвище Ямлянин

С другой стороны, эти же модели емского происхождения в топонимии Карелии могут указывать и на достаточно раннее, докарельское освоение этих территорий емью. Так, исследователь финно-угорских языков М.А. Кастрен на основании родовых преданий, записанных им в 30-х годах XIX века у беломорских карел, делает вывод, что туда достаточно рано могло прийти население из Хяме [Castren 1852: 86]. По мнению М. Пелля, появление емской топонимии на территории Беломорской Карелии датируются концом железного века, когда через эту территорию проходили торговые пути, связывавшие Северную Норвегию и Юго-Западную Финляндию с финно-угорским населением на Северо-востоке Европы [Pöllä 1990: 29].

Возможно, речь может идти о промысловом освоении жителями Западной Финляндии этих отдаленных восточных территорий, что косвенно подтверждает одно из сведений, записанных Ювелиусов в 1887 году в карельской деревне Панозеро, находящейся в центральной части Беломорской Карелии: “До грабительских войн [начало XVIII века – Д.К.] приходило в Карелию финское население (кар. *tuočit*) в мирных целях для добывания жемчуга в порогах” [Juvelius 1888: 63]. Таким образом, данный факт может быть, например, отголоском тех давних времен и событий, когда древние охотники и рыболовы из Хяме могли использовать эти отдаленные территории в промысловых целях. Возможно, этим и объясняются большинство топонимов с основой *Nämeĥ-* в Карелии, которые фиксировали право емского населения на использование тех или иных территорий или природных объектов. Таким образом, топонимами с основой *Nämeĥ*¹⁴-

¹⁴ Однако стоит заметить, что не все названия с основой *Nämeĥ-* могут иметь этнонимические истоки. Так, часть названия этого типа может быть связана с восприятием имядателем освещенности объекта. С связи с этим основанием номинации некоторых объектов на *Nämeĥ-*возможно стала плохая освещенность тех или иных мест, и они связаны с прибалтийско-финской основой *hämä-*: ср. *hämä-gä* ‘темный’, *hämy* ‘сумрак’ [Koivulehto 1997: 161-162]. В то же время в людиковском наречии карельского языка известен апеллятив *hämeghein* со значением “осока” [NA]. В связи с этим возникает вопрос, не связано ли появление, по крайней мере, части названий с топоосновой *Nämeĥ-* в Карелии с более широким бытованием вышеуказанного апеллятива на определенном этапе истории.

карельское население могло помечать места, где оно соприкасалось с представителями еми.

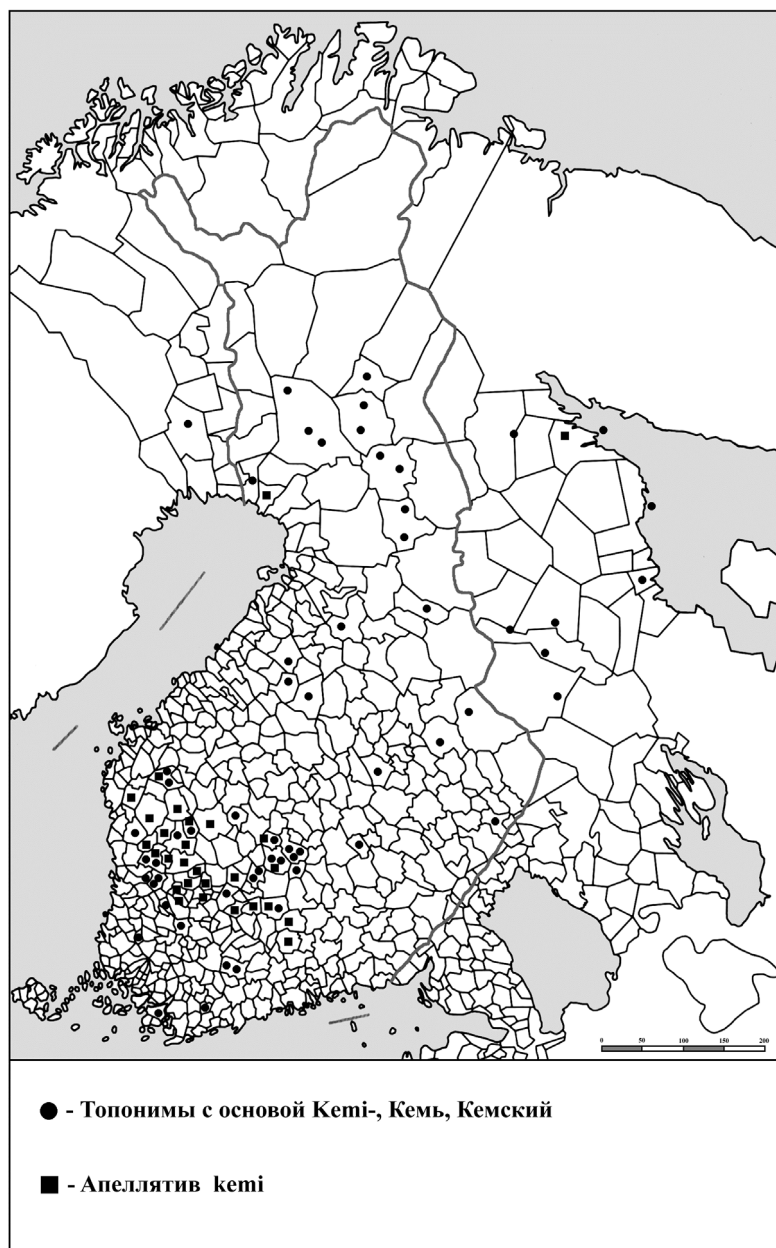
В топонимии побережья Белого моря представлено два названия с основой Немецкий¹⁵, которые, на наш взгляд, также могут рассматриваться в контексте освоения жителями Финляндии рассматриваемой территории: остров Немецкий Кузов в окрестностях Кеми и скала Немецкая щелья в районе Вирмы. Кроме этого в селе Шуерецкое в конце XVI века проживало два жителя с фамилией/родовым прозвищем немчин [ИК: 217], что также может указывать на их возможное финское происхождение.

Емского происхождения могут быть и названия объектов с основой Кемь-/Кеми-, которые зафиксированы на территории Карелии. Самым известным названием среди них является название реки Кеми (кар. Kemi), впадающей в Белое море, одно из первых упоминаний о которой мы находим в документе середины XV века (1447-1454 гг.) [МПИК: 101]. На севере Беломорья, в окрестностях села Керети известна также группа островов, которая имеет общее название Кемьлуды (кар. Kemiluuvvot). Кроме этого, в описании Кемской межи 1591 года среди упоминающихся в нем названий различных природных объектов мы находим остров Кемской¹⁶ в Белом море, который, судя по описанию, располагается приблизительно в районе деревни Калгалакша [МПИК: 326], ср. совр. тоня Кемьская Корга в окрестностях вышеупомянутой деревни.

Основным ареалом распространения названий типа на Кемі- является Южная Финляндия, а именно территория Хяме и Сатакунта. На этих же территориях известен и апеллятив kemi со значением 'сухое, неплодородное поле с твердой почвой; поляна или луг'. Таким образом, распространение типа Кемі- на юге поддерживается распространением соответствующего апеллятива (рис. 8). По мнению Р. Нирви, слово kemi первоначально было особым термином, связанным с промысловой культурой и обозначающим 'место проживания или пребывания во время сезонного рыболовства на отдаленных промысловых территориях'. При этом исследователь связывал названия данного типа

¹⁵ Немцами в Карелии называли жителей Шведского королевства, в том числе и финнов.

¹⁶ Данное название, возможно, могло указывать на границу промысловых и сельскохозяйственных угодий жителей Кеми того времени.

с бытующим в Хяме и Сатакунта апеллятивом *kemi* [Nirvi 1948: 243-250]. Й. Вахтола предполагает, что первоначально слово *kemi* было географическим термином, который обозначал место с твердым грунтом. По его мнению, распространение топонимов с основой *Kemi-* также является свидетельством промыслового освоения территории Финляндии выходцами из Хяме. Соответственно, емским, по мнению Й. Вахтола, является и название реки Кемь в Беломорской Карелии [Vahtola 1980: 230].

Однако, апеллятив *kemi* со значением ‘сухое неплодородное поле; луг; поляна’ вряд ли подходит для объяснения всех названий этого типа. Существуют и другие этимологии названий с основой *Kemi-/Кемь-*. Первым попытался расшифровать названия вышеупомянутого типа А. Кастрен. Побывав на Алтае и в Сибири, он приходит к выводу, что слово *kemi/кемь* значит ‘большая река’. Академик А. Соболевский название Кемь сравнивал с древнеиндийским *кам-* ‘вода’. Этому же мнения придерживается и А. К. Матвеев. Апеллятив *кам* со значением ‘река, поток’ зафиксирован, например, в некоторых диалектах удмуртского языка [ЗКТ: 48]. Известно также алтайское слово *кем*, которое означает ‘река, речка’ [Мурзаев 1974: 184]. В Финляндии название реки *Kemi* соотносят иногда с названием реки *Kumi*, ср. апеллятив *kumi* со значением ‘река, поток’ в финском языке. Из всего вышеперечисленного, составители книги “Загадки карельской топонимики” Г. М. Керт и Н.Н. Мамонтова делают вывод, что названия данного типа могли возникнуть в разное время у разных народов, но в основе своей они имеют общее значение ‘вода, река’ [ЗКТ: 48].

На основании ареала распространения названий с основой *Kemi-* (рис. 8) можно все же предположить, что модель проникает в современную Карелию из Хяме. В то же время названия данного типа могли появиться и в среде карельского населения. На это может указывать фиксация на сопредельных с русским Беломорьем севернокарельских территориях апеллятива *kemi(paikka)*¹⁷ ‘сухое, возвышенное место с песчаной почвой, часто поросшее кустарни-

¹⁷ Данный апеллятив зафиксирован автором в деревне Нильмозеро Лоухского района.

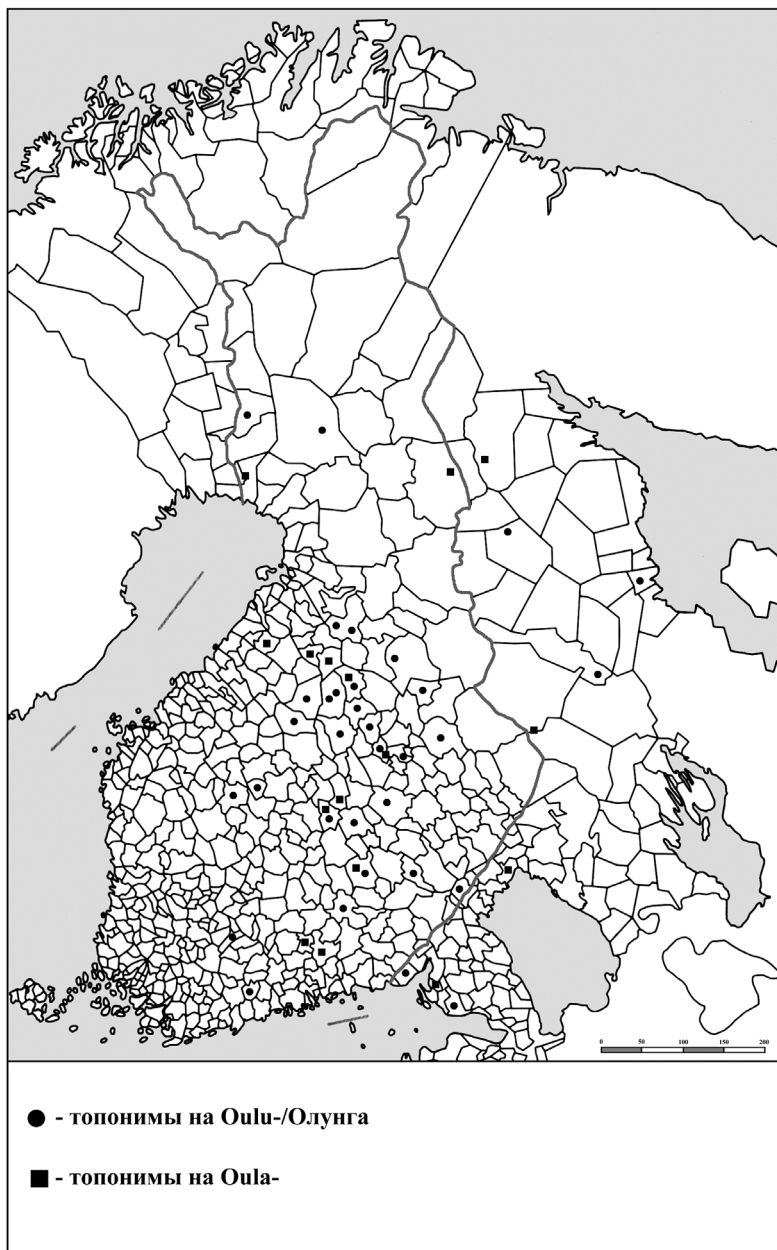
ком'. При этом возникает вопрос, был ли апеллятив *keti* усвоен карельским населением здесь, на территории современной Карелии, или же его существование в карельском языке восходит к периоду проживания карельского этноса на территории Приладожья, где контакты с представителями еми имели более интенсивный характер?

Таким образом, вопрос об истоках этой модели и времени ее появления в Карелии остается пока открытым и требует дальнейшей разработки.

В топонимии села Шуерецкого присутствует модель называния с основой Oulu-, которая, по мнению некоторых исследователей, также могла появиться в среде западно-финского населения, ср. река Олон(ь)га (кар. Oulunga), которая упоминается в документе 1591 года в форме Олунга [МПИК: 327].

Модель названия с атрибутом Oulu- достаточно широко представлена на территории Финляндии (рис. 9), где зафиксировано более двух десятков названий этого типа. Их связывают с бытующими в некоторых говорах юго-восточного диалекта финского языка и диалекта саво словом *oulu* со значением 'половодье, полая вода', которое, в свою очередь, считается саамским заимствованием (ср. саамШ. *oului*, *oauloj*, *åulo* 'шуга; растаявший снег; вода, выступившая весной на поверхности льда' [SKES]). Таким образом, мотивом номинации объектов с основой Oulu- могло стать их отличие на фоне окружающих подобных объектов в том, что они были заметным образом залиты водой, особенно в весенний период.

Согласно наблюдениям Ээро Кивиниеми, ареал бытования рассматриваемых названий напоминает распространение некоторых достаточно древних емских типов. Исследователь также предполагает, что данная модель топонимообразования могла появиться в восточном Хяме по крайней мере в конце первого тысячелетия н.э. [Kiviniemi 1984: 341]. На относительную древность названий на Oulu- в Финляндии указывает и тот факт, что некоторые из них закрепились в названиях достаточно крупных водоемов. Наиболее известными и древними среди них являются озеро Оулуярви и река Оулуйоки в Приботнии, которые фиксируются впервые в письменном источнике 1327 года в форме *vlu*, а в 1328 - *wlu*.

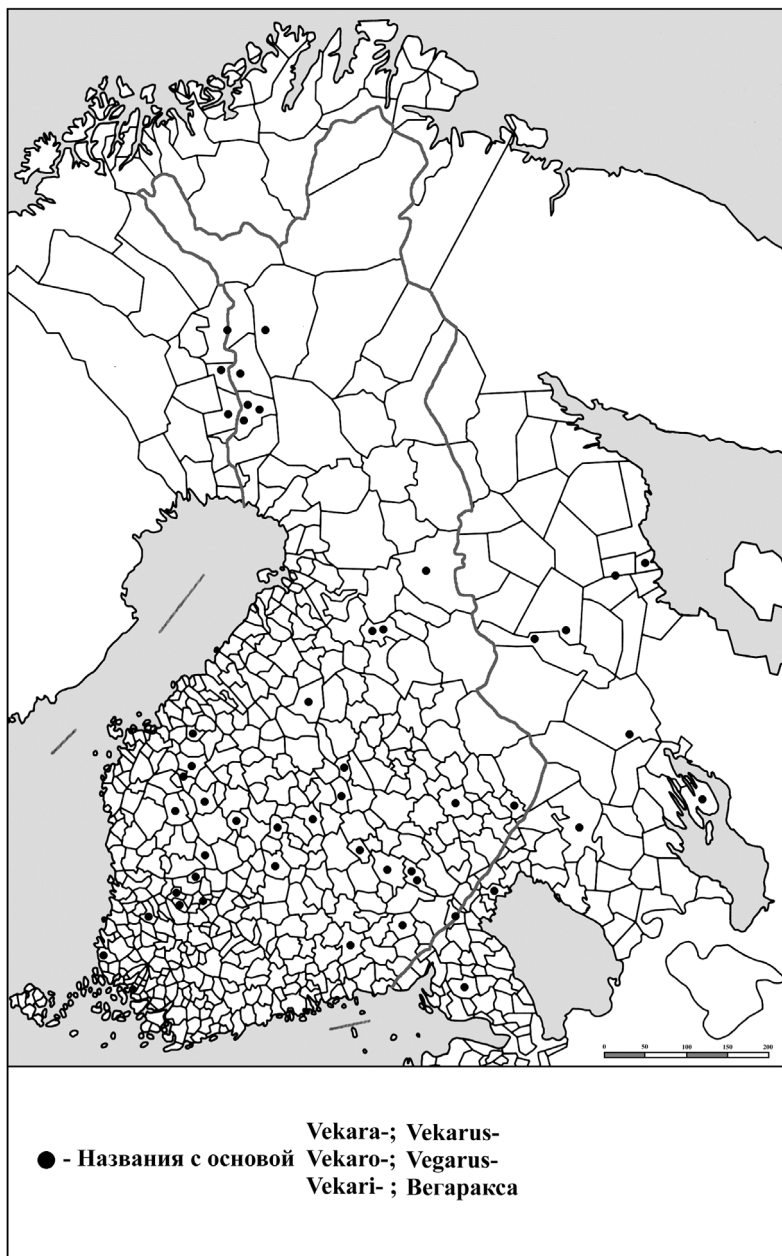

Тип названий с основой Oulu-, как уже упоминалось выше, присутствует и на территории исследуемого региона. Географическое положение реки Олон(ь)ги в Шуерецкой волости оправдывает версию о том, что основанием номинации могла быть затопляемость территории (разливаемость водоема), поскольку река течет по низинным болотам, а ее берега являются плодородными заливными лугами, что подтверждается сведениями информаторов села Шуерецкого и карельской деревни Подужемье, чьи покосы находились по берегам этого водоема.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что модель Oulu- может указывать на достаточно раннюю, по всей видимости, промысловую деятельность восточной еми в Карелии. Мотивом номинации объектов стал разлив водоема, при этом использовался апеллятив *oulu* со значением ‘полая вода, половодье’, входивший, по всей видимости, в тот период в лексикон еми. При этом хронологические рамки бытования модели ограничиваются ранней средневековой (1200-1323 гг.) деятельностью этого народа.

Еще одним емским типом, фиксируемым в топонимии Беломорья, может являться топонимная модель с основой Vekara-/Vegara-, которая, возможно, отразилась в названии залива Вегеракша в окрестностях современного города Кемь. О правомерности такой реконструкции, свидетельствует, на наш взгляд, название порога Vekarine на реке Охта в районе деревни Пибозеро в сопредельной с Кемью Маслозерской волости. На карте распространения модели видно (рис. 10), что большая часть названий этого типа в Финляндии расположена на древней емской территории и на прилегающих к ней промысловых территориях этого народа. Отдельные названия зафиксированы в Центральной Финляндии и окрестностях озер Саймаа и Оулуярви.

По мнению Й. Вахтола, рассматривавшего модель Vekara- в Финляндии, на данный момент достаточно сложно найти однозначное объяснение мотивированности названий этого типа, поскольку речь в данном случае идет о относительно древнем типе топонимобразования. В финских диалектах слово *vekara* встречается со значениями ‘крючкообразное приспособление для ловли тюленей; кривое дерево или ветка дерева; часть лука; рог’. Учитывая это, исследователь предполагает, что основанием номинации объектов с названиями Vekara-/Vegara- могла быть их изогнутая (кривая) форма, подтверждением чему является карта, на которой, по мнению исследователя, хорошо видна кривизна многих из них.

Основываясь на распространении названий с основой Vekara-, исследователь приходит к выводу, что тип имеет емское происхождение и мог использоваться емью в ранние периоды ее промысловой деятельности на севере и востоке Финляндии [Vahtola 1980: 116-119].

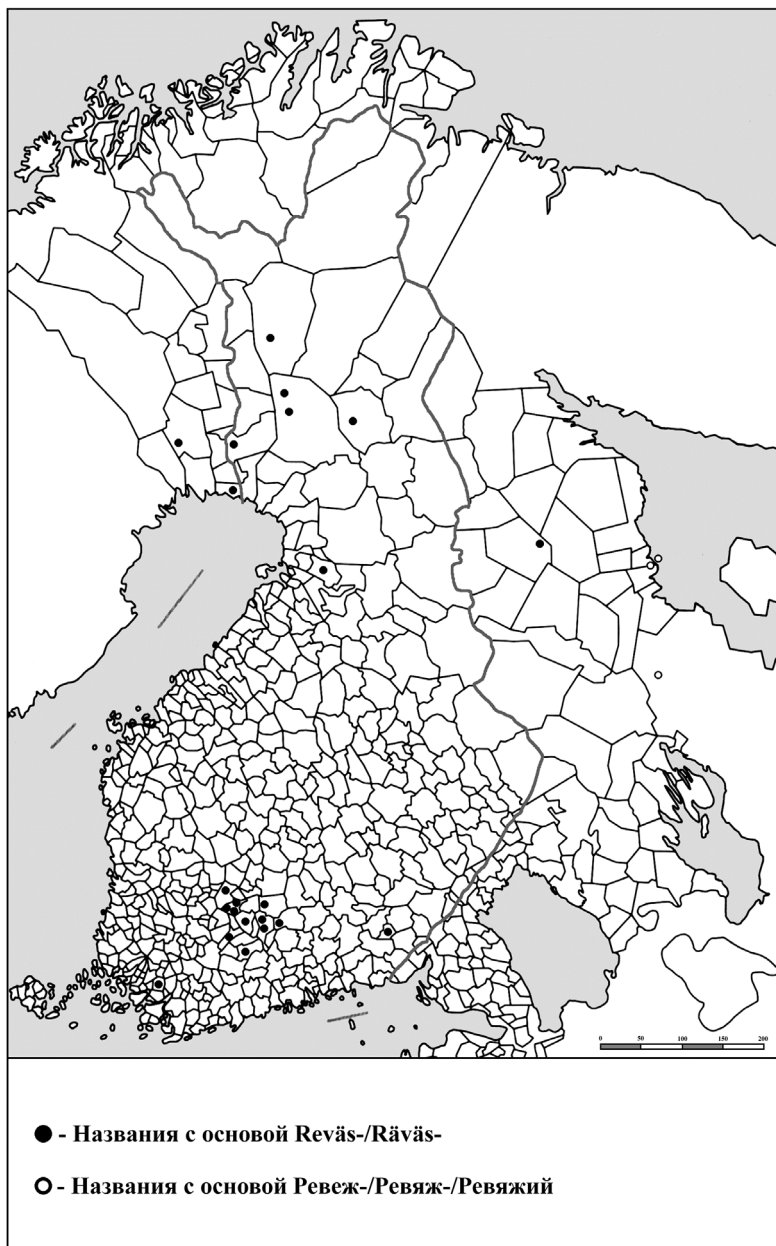
Таким образом, распространение названий из Финляндии в Карелию также может свидетельствовать о раннем емском влиянии, которое могло распространиться и на эти достаточно удаленные территории с населением, у которого в момент популярности модели в лексиконе был апеллятив *vekara* со значением ‘кривой, изогнутый’. Тем не менее, вопрос остается пока открытым и требует дальнейшей разработки.

Емским по происхождению считается и тип Räväs-/Reväs-, который, видимо, отразился в названии возвышенности Ревяжгора (вар. Ревяшьгора) < *Reväž-/Räväšvuara, а также находящихся недалеко от нее острова Белого моря Большой Ревяжий и Малый Ревяжий < *Reväž-/Räväšsuari в окрестностях города Кемь.

На территории Финляндии зафиксировано два ограниченных ареала бытования названий этого типа (рис. 11): в Южном и Юго-Восточном Хяме, а также на севере страны в Перяпохья. Тип в Финляндии считается достаточно древним, на это указывает значительность природных объектов, которые имеют названия на Reväs-/Räväs-, а также неясность их содержания. Однако почти во всех случаях речь идет о высоких скалистых (каменистых) объектах, часто с разломами на вершине, или крупных островах. Тип встречается также в названиях заливов, проливов и озер.

На основании характеристики объектов, которые, как уже упоминалось выше, имеют в той или иной степени разбитую поверхность, Й. Вахтола предполагает, что в основе топонимов восстанавливается апеллятив *reväs/räväs*, который мог быть образованным от глагола *revätä* со значением ‘разрывать, рвать’. Таким образом, тип мог возникнуть для характеристики объектов, имеющих разломанную форму поверхности [Vahtola 1980: 131-137].

Как на этом фоне выглядят названия на Reväs-/Räväs- в Карелии? На данный момент из-за немногочисленности названий этого типа в Карелии сложно подтвердить или опровергнуть факт их появления в результате раннего освоения Карелии выходцами с территории Хяме.

В то же время в пользу их емского происхождения могут свидетельствовать, например, уже рассмотренные выше модели, а также идентичная емским названиям географическая характеристика возвышенности с названием Ревяжгора. По сведениям информаторов это лесистая возвышенность со значительным нагромождением камней на вершине. Данный факт, на наш взгляд, может указывать в пользу того, что в момент появления топонима, в языке его создателей мог существовать апеллятив *reväs/räväs*, обозначающий место с неровной поверхностью.

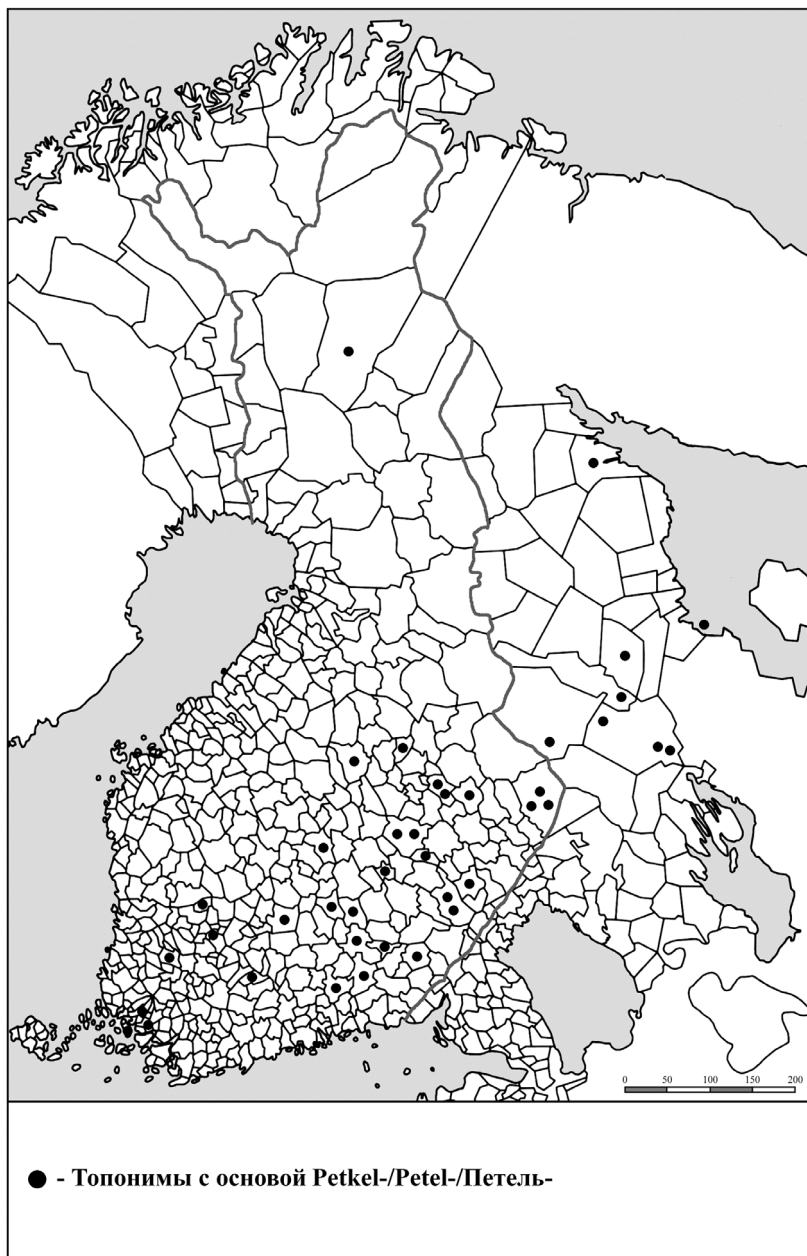
Кроме Беломорья тип известен и в Выгозерье, где еще в первой трети XX века существовала деревня Ревашнаволок (< **Reväš-/Räväšniemi*), которая упоминается в Писцовой книге Обонежской пятины в 1563 году в форме Ревежнаволок [ПКОП: 153]. При этом примечательно то, что в Сумской волости Выгозерского погоста в этом же 1563 году упоминается Федько Ямленин (< **Hämäläinen*) [ПКОП: 160], чье родовое прозвище/фамилия может свидетельствовать в пользу его емского происхождения.

Таким образом, можно констатировать, что модель в Карелии является относительно ранней, а мотивом номинации названий этого типа могла стать разбитость/неровность их поверхности, о чем свидетельствует, возможно, зафиксированный в карельском языке апеллятив *räväš* со значением ‘развалина’.

Также как и в предыдущем случае, вопрос о происхождении названий в Карелии все же остается пока открытым.

Еще одним типом, который проникает на территорию исследования, по всей видимости, из Финляндии (рис. 12), является топонимная модель с основой *Petkel-/Petel-* (ср. мыс Петельостров в окрестностях деревни Сухой Наволок). Основной ареал ее распространения находится в восточной Финляндии в Саво. В основе модели лежит апеллятив *petkel/petel* со значением ‘пест’. Все объекты с названиями на *Petkel-/Petel-* имеют вытянутую, узкую форму, и часто, по словам информаторов, напоминают по форме пестик.

Появление модели в Карелии и на побережье Белого моря можно отнести ко времени не ранее второй половины XVI века. Связано это с тем, что активное освоение саволаксами территорий, расположенных к северу, западу и востоку от своей прародины, начинается только с середины XVI века [Jutikkala 1958: 98-99].

В то же время, для определения более точных хронологических рамок проникновения данной модели на территорию современной Карелии важно сведение о существовании в Сегозерье волостки Петкелнаволок (совр. Петельнаволок), зафиксированной в дозорной книге Лопских погостов 1597 года [ИК: 202]. Данный факт позволяет сделать вывод, что в конце XVI века модель на Petkel-/Petel- уже распространяется в Карелию с одной из переселенческих волн из восточной Финляндии.

Подводя некий итог, следует отметить, что названия рассмотренных выше емских моделей в Карелии, несмотря на всю спорность изложенной выше интерпретации, выступают все же в целом ряде случаев в наименованиях подобных по географической характеристике объектов, как и на юго-западе Финляндии. Из этого можно сделать вывод, что в Поморье эти модели топонимобразования могли принести те, кому они были известны на юго-западе Финляндии, то есть емь, и речь в данном случае может идти о наименовании по аналогии. Таким образом, все вышеперечисленное свидетельствует, на наш взгляд, о достаточно ранних контактах и связях между территорией Хяме и Беломорьем.

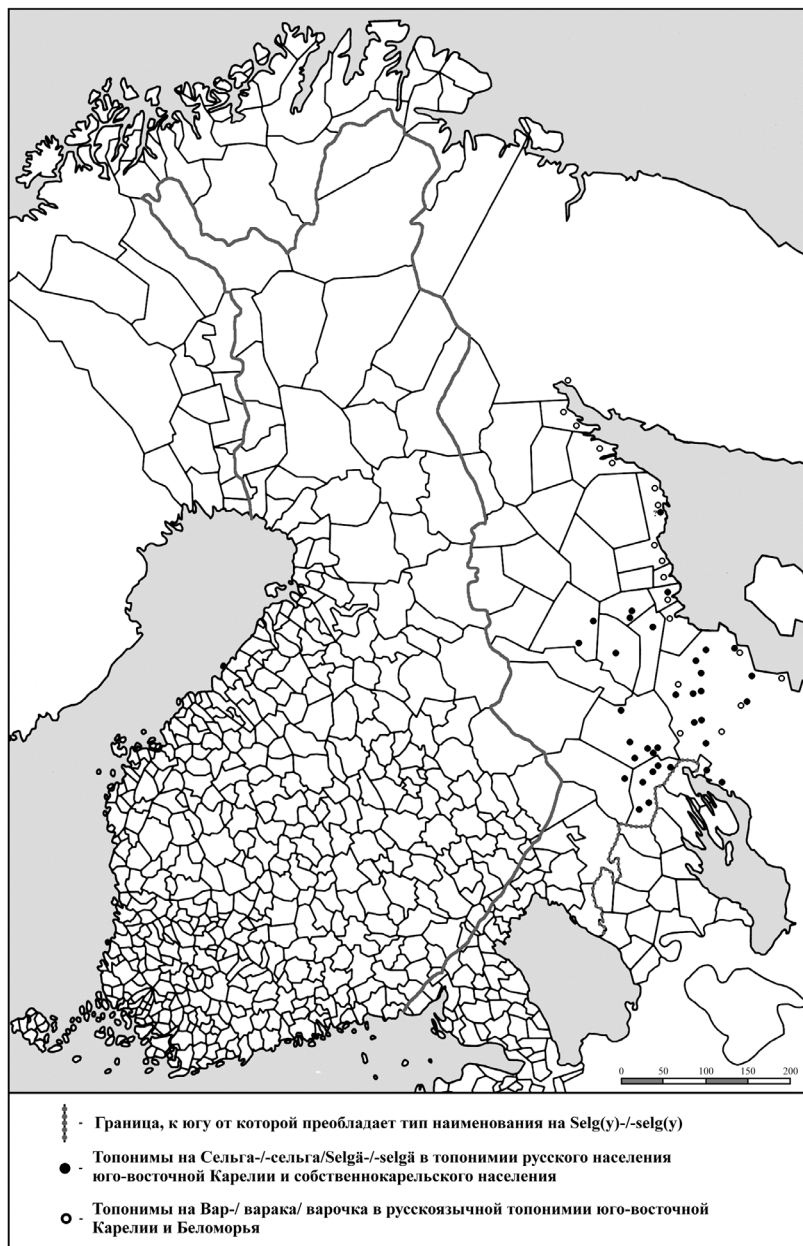
Карельскому пласту названий в южной части Поморского берега, возможно, предшествовал пласт более древних вепских названий. М.В. Витов отмечает, например, что к моменту прихода русских в Заонежские погосты на их территории были расселены разные этнические группы финской языковой семьи: лопь, чудь заволочская, весь, приладожская емь и карелы [Витов 1962: 61-62]. Если факт пребывания вепсов на юге Заонежских погостов не вызывает сомнения, поскольку они проживают там и сегодня, то об их присутствии на севере региона – в Выгозерском погосте – сейчас можно делать только самые приблизительные предположения. Это связано с тем, что в письменных источниках XV-XVI веков, относящихся к исследуемой нами территории, прямых указаний о проживании вепсов нет. Однако они все же могли входить в число прибалтийско-финских насельников края, поскольку существуют некоторые косвенные признаки возможного вепского присутствия в Беломорье. В частности, есть основания полагать, что созданная в конце XV века, в связи с присоединением новгородских земель к Москве, административная единица – Заонежские погос-

ты Обонежской пятины, в состав которых входил и Выгозерский погост – объединяла, прежде всего, земли с вепским населением [Муллонен 2006: 131].

В сложившейся ситуации ценным источником для определения вепского, или близкого им в этническом плане компонента на территории юго-западного Беломорья снова становится топонимия.

В силу близкого родства карельской и вепской топонимических систем не просто выявить дифференцирующие вепские признаки в топонимии исследуемого региона. Однако есть ряд топонимических фактов, которые позволяют предполагать, что в формирование топонимии юго-западного побережья Белого моря вепсы могли принять самое непосредственное участие. Среди них, например, зафиксированное в топонимии деревни Вирма сенокосное урочище Вепсино, а также, возможно, распространение в Поморье топонимной модели “Чудские печища” [Витов 1962: 67, 71], которая использовалась для обозначения некогда существовавшего места жительства.

На мысль о докарельском населении юго-западного побережья Поморья наталкивает, например, практически полное отсутствие в топонимии этой части исследуемого региона названий с элементом вара(ка) (ср. собств. кар. *vuara* ‘лесистая возвышенность’). Непонятно слово “варака” и современным информаторам, хотя оно, судя по диалектологическим данным, известно говорам Поморского берега [Мызников 2003: 220]. На территории от Унежмы на юге и до Шижни на севере топонимы с элементом варака/варочка присутствуют только в топонимии двух деревень исследуемого региона (рис. 13): в Унежме Великая варака, Малая варака, в Колежме Варничная варака, Куньи вараки, Трохина варочка. К северу же от Поморского берега тип на варака встречается в русскоязычной поморской топонимии достаточно регулярно, ср. Карповарака (Сорока), Малинаварака (Шуерецкое), Сосновая варака (Кемь), Токовые вараки (Летняя Река), Синяя варака (Поньгома) и др. Для обозначения возвышенностей в топонимии ряда сел Поморского берега используется синонимичная по значению лексема сельга. Причем, наибольшая концентрация данной модели зафиксирована в непосредственной близости от села Нюхча, где известно 7 названий возвышенностей, вторым составным компонентом которых она является: Гандосельга, Касельга, Рокшесельга, Умбосельга и др.).

Данный тип наименования распространен, главным образом, в среде южно-карельского населения – у людиков и ливвиков (ср. ливв. люд *selgy*, *selg* ‘возвышенность, поросшая лесом’). Названия на -сельга широко представлены и к югу от Карелии на большей части Присвирья, которое, как известно, является территорией, входившей в сферу интересов древних вепсов. Таким образом, проникновение данной топонимической модели в юго-западное Беломорье может свидетельствовать об этнокультурном воздействии с Южной Карелии, с территории близкой в этническом отношении вепсам, от которых, по всей видимости, географический термин “сельга” был усвоен в южной Карелии (ср. вепс. *sel’g* ‘кряж, возвышенность, гора’). В собственно-карельском ареале расселения для обозначения возвышенностей используется, как правило, лексема *vuaga* с тем же значением.

Картографирование распространения названий с элементом Сельга/-сельга/*selgy/selgä/selg* показывает (рис. 13), что этот тип веерообразно расходится с юга Карелии на север, на собственно-карельские территории, и на северо-восток через Выгозеро по направлению к Белому морю, отражая тем самым возможные пути продвижения на север населения, которое имеет прочную генетическую связь с вепсами. На Беломорском побережье тип на сельга, кроме окрестностей села Нюхчи, не имеет широкого распространения, и встречается только в топонимии сел Колежма и Шуерецкое (Сельгагора, Сельга; Шуесельга). В то же время он достаточно широко распространен на сопредельных с Беломорьем более южных территориях – в Выгозерье и на Сумозере.

Подобный ареал распространения и у лексемы *лахта* ‘небольшой речной залив’, зафиксированной в говоре сел Колежма, Шижня и Нюхча (ср. ливв. *lahti*, люд., вепс. *laht* ‘залив’). Жителям Нюхчи известно несколько названий, в которых выступает эта лексема: Моршихина лахта, Ржаная лахта, Великая лахта и др., в то время как в Колежме и Шижне всего по одному – Соленая лахта, Купольная лахта). В других населенных пунктах исследуемого региона названий этого типа не обнаружено. Собственно-карельским населением для обозначения залива используется слово *laksi/lakši*. Топонимы последнего типа фиксируются, например, как в документах середины XVI века в Выгозерском погосте (ср. дер. Самолакша

на Выгу, Юголакша [Витов 1974: 137, 140], так и в современной топонимии (ср. населенные пункты Калгалакша, Кандалакша, а также заливы Корбалакса и Лакша на сопредельной с Беломорьем территории Сумозера). Возникает вопрос, не является ли распространение элемента "лахта" в топонимии сел Колежма и Нюхча свидетельством освоения этой части Поморья населением из людиковского ареала, близкого во многих отношениях вепсам?

В то же время апеллятив "лахта" известен и русским говорам Пудожья, что не исключает возможности проникновения этого географического термина с оттоком на север населения из вышеупомянутого ареала.

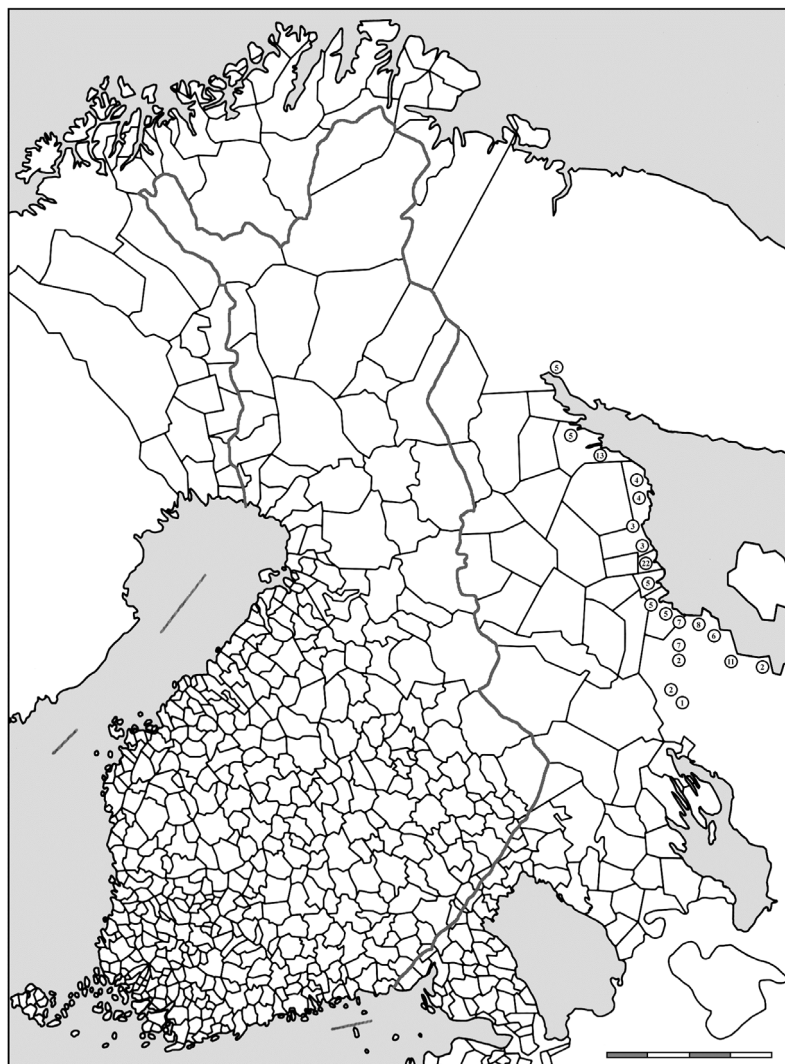
К рассматриваемой группе названий можно отнести и зафиксированные в топонимии окрестностей Нюхчи названия озёр Малое и Большое Вирандозеро. Слово виранда по данным словаря Подвысоцкого в значении 'распаханное поле, где был лес' было известно в бывшем Кемском уезде, а в значении 'куча хвороста на подсеке, нарубленный сухой хворост' в Каргопольском и Онежском уездах. В форме веранда 'куча сучьев на подсеке (предназначенная для сжигания)' его знали в Медвежьегорском (Заонежье), Пудожском, Кондопожском, Прионежском и Подпорожском районах Ленинградской области. В карельском языке оно зафиксировано только на территории проживания карел-людиков (ср. *verand* 'куча хвороста в поле (предназначенного для сжигания)' [LMS]. Известно оно и вепсам: *verand* 'костер при сжигании подсеки' [СВЯ]. С.А. Мызников считает, что источником вепсского *verand* может быть вепс. глагол *viritada* 'зажигать, разжигать' [Мызников 2003: 355-356].

Еще одним примечательным примером может быть зафиксированное в окрестностях Вирмы название Тобручей. Прибалтийско-финская лексема *tobju* со значением 'большой, крупный' известна как вепсскому языку, так и ливвиковскому и людиковскому наречиям карельского языка (ср. вепс. *tobj*, ливв. *tobju*, люд. *tobd'*), однако только на территории проживания карел-людиков она используется в топонимии для обозначения крупных по размеру объектов. Таким образом, есть основание предполагать, что название Тобручей в Вирме может является неким людиковским наследием, сохранившимся в топонимии этого поморского села.

На основании имеющегося в нашем распоряжении топонимического материала можно проследить и разные этапы освоения беломорского побережья русским населением. В русском освоении Карелии намечается несколько этапов. Истоки новгородского промыслово-торгового освоения принято возводить к XI–XII векам, массовое крестьянское освоение – к XIV–XVI векам. Низовская колонизация в основном обошла Карелию стороной, затронув лишь самый восток Заонежских погостов и Беломорье [Витов 1962: 53].

Поморье известно как территория, рано попавшая в зону русского (псковско-новгородского) освоения. С новгородской промыслово-торговой колонизацией можно связывать, например, названия, оформленные формантом *-иха*. Это подтверждают материалы новгородских писцовых книг XV–XVI веков, из которых явствует значительная активность суффикса в этом регионе [Полковникова 1970: 469–504].

В топонимии беломорского побережья зафиксировано более сотни названий этого типа (рис. 14): тони Лебедиха, Онисимиха, Ульяшиха, покос Киппоиха (Кандалакша), тони Ермачиха, Котиха, остров Величаиха, Коккоиха, тоня Лобаниха (Черная Река), покос Андрониха, Демидиха, Максимиха, тоня Чересиха, Ключиха, Козлиха, Круглиха, Обориha, Трясиха, Фарифонтиха, остров Шарапиha, Каржничиха (Кереть), губа Денисиха (Чупа), берег Оденчиха, остров Столбиха (Гридино), губа и порог Емельяниха, луда Зуиха, покос Матвеиха (Калгалакша), пожня Горбуниха, залив Никаниха, остров Столбиха (Поньгома), остров Горелиха, бор Забориха, тоня Рублиха (Летняя Река), острова Белогузиха, Водохлебиха, Гуппоиха, Калиниха, Кашиха, Кисличиха, Костылиха, Мартыниха, Махониха, Наумиха, Опалиха, Преснодонниха, Ракитиха, Соломаниха, Терроиха, Тупичиха, луда Ворочиха, боры Горелиха, Щербиниха, мыс Михеиха, урочище Пригониха, порог Соломаниха (Кемь), возвышенность Елмониха, острова Белогузиха, Комариха, Шушутиха (Шершутиха), луда Шалиха (Шуерецкое), тоня Кискиха (Кишкиха), покосы Лариониха, Липпеиха, Пастушиха, остров Пучиха (Сорока), плесо Вертячихи, порог Гневашиха, покос Липиха, скала Максимиха, поле Ромутихи (Сухой Наволок), тони Борисиха, Ползуниха, болото Евдошиха, остров Максимиха, покосы Матвеиха, Хабариха, луда Шулеихи (Сумпосад), покосы Бажиха, Демениха,

○ - Названия, оформленные формантом -иха.
(цифра в круге обозначает количество
зафиксированных названий в одном
населенном пункте)

Рябиха Себоиха, Хухорихи, болота Рылиха, Орлиха, возвышенность Хотеиха (Вирма), мыс и остров Абакумиха, покос Огофони-ха, Хабариха, остров Наумиха, возвышенность Соколиха (Колеж-ма), Бревенниха, Ерошиха, Жихариха, Игнашиха, Королиха, Ля-кутиха, Соколиха, Степаниха, Падуниха, Палашиха (Нюхча), ост-ров Михайлиха, гора и губа Смолениха (Унежма).

Особенно интересны среди них те примеры, в которых топо-формант -иха закрепился в названиях прибалтийско-финского про-исхождения: ср. Киппоиха < Kippo 'Киприян' (Кандалакша), Кок-коиха < kokko; Kokko 'орел' (Черная Река), Кискиха < kiiski, Kiiski 'ерш' (Сорока), Липпеиха ? < Lippi, Lippo 'Филипп' (Сорока), Гуппоиха < Huoppo 'Фофан' (Кемь), Палашиха или Палашелья < *Paloselgä, palo 'выгоревшее место в лесу; пожар' (Нюхча).

Анализ распространения данной модели может указывать (рис. 14), по всей видимости, на степень освоенности побережья рус-ским населением. В старых центрах, таких как Кемь, Кереть, Нюх-ча и Сумский Посад, модель значительно продуктивнее, чем в тех, где существенен прибалтийско-финский пласт в языке и культуре (к примеру, в Поньгоме и Унежме). Данная топонимная модель яв-ляется достаточно ранней на побережье Белого моря, ср., напри-мер, на Кольском полуострове варница в Порья-губе в Шушпани-хе, упоминающейся в 1551 году [АСМ 1479-1571: 105], тони Воро-тиха, Столбиха и остров Колониха в Варзуге в 1575 году, а также тоня Шыбутиха в Умбе, зафиксированная в 1580 году [АСМ 1572-1584: 67, 145]. В то же время, обращает на себя внимание отсутст-вие названий этого типа в документах XV–XVI веков на террито-рии современной Карелии. Не является ли это свидетельством то-го, что модель на -иха появляется здесь только в XVII веке?

С новгородским освоением Поморья можно связывать распро-странение и ряду других топонимических моделей. Среди них, на-пример, топооснова Великий, свойственная новгородской тради-ции наименования; лексема великий выступает в значении 'боль-шой по размеру': Великий остров (Кандалакша, Ковда, Черная Ре-ка, Летняя Река, Шуерецкое), тони Великий Конец, Великий мыс (Черная Река), Великие пожни (Кереть), тоня Великая Изба, Вели-кий берег, Великий ручей (Гридино), остров Великая Корга (Кемь), Великий бор, Великие пожни (Шуерецкое), порог Великий

Стреж (Сорока), Великий мох (Сумпосад, Нюхча, Унежма), залив Великая лахта (Нюхча), Великое плёсо (Сорока, Нюхча).

Рассматривавшая распространение названий этого типа в Заонежье И. Муллонен отмечает, что основная масса “великих” топонимов здесь тяготеет к восточному побережью Заонежского полуострова и маркирует тот поток русского освоения, который продвигался вдоль Заонежского залива, омывающего полуостров с востока [Муллонен 2003].

Рассматриваемая модель является на побережье Белого моря относительно ранней. Об этом свидетельствует присутствие модели в актах Соловецкого монастыря XV–XVI веков: ср. Великий камень [АСМ 1479-1571: 217] и Великие ворота [АСМ 1479-1571: 217] в окрестностях Сороки, а также Великий остров [АСМ 1572-1584: 173] в деревне Черная Река.

Показательным примером являются и названия, содержащее русское диалектное слово острец или остреч ‘окунь’, которое было продуктивным на определенном этапе истории для образования гидронимов в русской топонимии Новгородских земель. Данная гидронимной модель проникает в Беломорье из Присвирья вдоль водного пути из Онежского озера в Белое море [Муллонен 2002: 143].

В Беломорье данный тип топонимообразования не получил широкого распространения и представлен здесь всего пятью фиксациями: ср. Остречье озеро (Кандалакша, Соловки, Нюхча), остров Остречья луда и тоня Остречье (Сорока), однако он, как и названия с топоосновой Великий, достаточно рано появился в топонимии исследуемого региона: ср. Острячье озеро в Выгозерской волости [АСМ 1479-1571: 144].

К рассматриваемой группе можно отнести и серию названий с основным компонентом мох ‘моховое болото’: Левин мох (Кереть), Большой мох, Лебяжий мох, Малый мох (Калгалакша), Арсентьев мох, Ближний мох, Большой мох, Высокий мох, Зыбучий мох, Каменный мох, Кандозерский мох, Келарев мох, Каликин мох, Кочергин мох, Круглый мох, Лагнозерский мох, Миронов мох, Полозовый мох, Сенной мох, Сохинский мох, (Поньгома), Горбов мох, Грязной мох, Длинный мох, Киселев мох, Круглый мох, Романовский мох, Сенной мох, Черный мох (Летняя Река), Беланин мох,

Большой мох, Второй мох, Глубокий мох, Егорьев мох, Келейный мох, Кеттов мох, Килбомах, Круглый мох, Малый мох, Первый мох, Сумашевский мох, Тандарский мох, Третий мох, Фомин мох (Кемь), Зыбкий мох, Саломский мох, Таргубский мох, Топкий мох, Шуесельский мох, (Шуерецкое), Большой мох, Карповаракский мох, Круглый мох, Лепруцкий мох, Летневарницкой мох, Угольный мох (Сорока), Куномох (Шижня), Великий мох, Елестровский мох, Ламбиноватый мох, Мальестровский мох, Медвежий мох, Никольский мох, Сумский мох, Щукозерский мох (Сумпосад), Вехручский мох, Голубовский мох, Дедов мох, Елистровский мох, Залуговский мох, Капустин мох, Круглый мох, Кукушкин мох, Куномхи, Малый мох, Медвежий мох, Низовский мох, Подрябов мох, Половинный мох, Романов мох, Ружевский мох, Руровский мох, Рябов мох, Сельгозерский мох, Углеморский мох, Чижерецкий мох (Колежма), Большой мох, Гайженский мох (Сухой Наволок), Большой мох, Волчий мох, Клиновый мох, Кокорный мох, Колодный мох, Летнинский мох, Лисий мох, Орличный мох, Половинный мох, Романов мох, Черный мох (Вирма), Большой мох, Вардегорский мох, Ивнягов мох, Капустин мох, Мяногогорский мох, Остречий мох, Посадский мох, Падунский мох, Педомох, Чугомох (Нюхча), Великий мох, Кегломах, Лемецкий мох (Унежма).

Распространение данного термина в русских говорах свидетельствуют о северо-западном ареале его бытования. При этом в Карелии ареал данного слова носит островной характер, объединяя ее с западными районами Архангельской области [Чайкина 1975: 12]. Отметим также, что в русскоязычной топонимии Карелии названия этого типа распространены, главным образом, в восточных частях ареала. Активность использования географического термина мох в наименовании болот в Беломорье падает по мере продвижения на север рассматриваемого региона. Наибольшая его популярность наблюдается в топонимии Колежмы, Кемь, Поньгомы, Вирмы и Нюхчи.

Среди рассмотренной выше группы названий обнаруживается еще один показательный признак, свидетельствующий, возможно, об освоении Беломорья населением, которое продвигалось, используя водный путь, огибавший Заонежский полуостров с востока. Это топонимы полукальки с элементом -мох. В топонимии рассматри-

ваемого региона данный тип топонимообразования не получил широкого распространения. Он присутствует, главным образом, на Поморском берегу Белого моря, а самая северная его фиксация известна в Кемь: ср. Килбомах (Кемь), Куномах (Шижня), Куномхи (Колежма), Педомах, Чугомах (Нюхча), Кегломах (Унежма). В то же время эта модель более широко представлена в топонимии территорий, расположенных к югу от исследуемого региона.

И. Муллонен отмечает, что на юге Карелии в Заонежье топонимы полукальки с элементом *-мох* представлены только вдоль побережья Заонежского залива. Кроме этого, данная модель хорошо известна помимо восточного Заонежья на Пудожском берегу Онежского озера [Муллонен 2005: 117]. Таким образом, есть основания полагать, что наличие модели объединяет юго-западное Беломорье с восточным берегом Заонежского полуострова, восточным (пудожским) и юго-восточным (вытегорским) Обонежьем.

Подобный ареал и у модели с формантом *-ица*, который выступает на исследуемой территории в названиях рек нерусского происхождения. Картографирование модели показывает, что она проникает в Карелию в обход Присвирья с юго-востока, вдоль восточного берега Онежского озера, фиксируется на Онежско-Беломорский водоразделе и выходит на юго-западное побережье Белого моря, где известно два названия интересующего нас типа: реки Ухтица и Челица, в топонимии сел Колежма и Унежма. Тем самым модель на *-ица* объединяет юго-восточное Беломорье с восточным Обонежьем и маркирует один из путей продвижения на север к Белому морю восточнославянского населения.

Среди топонимов, зафиксированных на побережье Белого моря, отметим и название озера Черная *ляга* в Нюхче, распространение основного компонента которого может также указывать об освоении территории Беломорья выходцами из Новгородских земель. В Нюхче географический термин *ляга* употребляется в двух значениях 'небольшое озеро (часто без рыбы); лужа'. С последним значением слово известно в говорах, расположенных на территории Северо-Запада и Северо-Востока Европейской части России. Оно бытует в ряде говоров Ленинград-

ской, Новгородской, Архангельской и Вытегорской областей и входит в число лексем, характерных для древненовгородской зоны [Чайкина 1975: 25, 149].

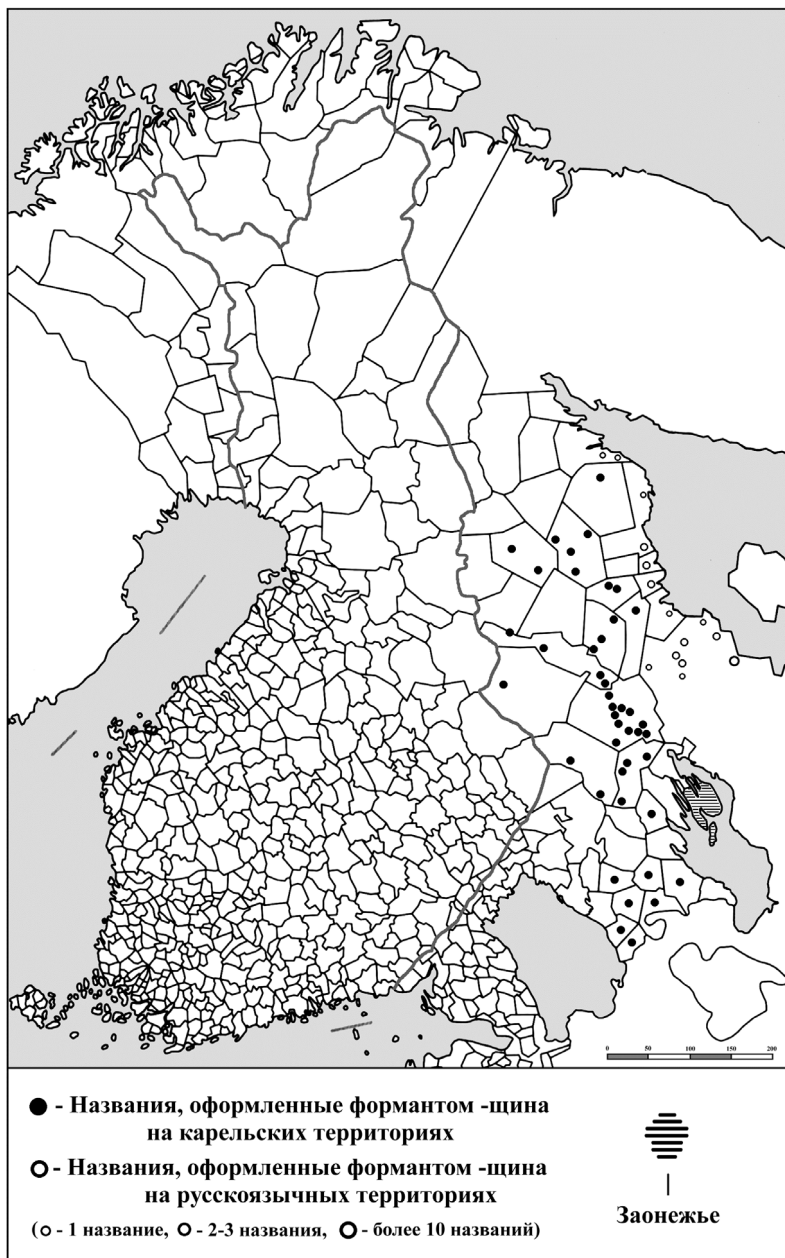
Выше уже было отмечено, что следы низовской колонизации, также фиксируются учеными на побережьи Белого моря [Витов 1962: 53], и это подтверждают данные топонимии. О московско-суздальской средневековой колонизации могут свидетельствовать, возможно, зафиксированные в топонимии Беломорья названия с формантом -щина.

В древней новгородской географической номенклатуре структурный тип на -щина был малоактивен на фоне других топонимических суффиксов. По подсчетам С. А. Полковниковой в материалах писцовых книг по всем 5 пятинам всего 27 топонимов на -овщина, в то время как образований с другими суффиксами на порядок больше (например, на -иха 260, на -ища 160, на -ичи 80, на -ище 60 и т.д.) [Полковникова 1970: 469-504]. Не есть ли это следствие того, что суффикс на новгородских землях является относительно молодым и начал распространяться после завоевания Новгорода Москвой в XV веке и притока переселенцев из московских земель? [Кузьмин 2003: 64].

С другой стороны, вполне вероятно, что модель могла распространиться в Карелию с новгородцами, которые в момент популярности новой модели на родине переселялись на север к Белому морю.

Центром распространения названий этого типа в Карелии является северное Заонежье (рис. 15), а затем отсюда, с вероятным оттоком русского населения на север вдоль транзитных путей в Поморье, модель проникает на побережье Белого моря.

В сравнении с названиями на -иха, рассматриваемая группа топонимов относительно невелика: берег Фоминщина, пожни Павловщина, Полузёрщина, поля Измайловщина, Ивановщина, Кукаращина, Монастырщина, урочища Кирилловщина, Тарабурщина, угор Тинковщина, а также, возможно, горка Мелёщинка (Нюхча), сельскохозяйственные угодья Дьяковщина, Поповщина (Колежма), поле Монастырщина (Сумпосад), покос Билетовщина (Сухой Наволок), покос Белогузовщина, часть деревни Бурковщина (Шуерецкое), поле Кореховщина (Кемь), мыс Марковщина, (Летняя Река), залив Перговщина (Калгалакша), урочище Егоровщина (Кереть).

Картографирование модели на -щина в Беломорье свидетельствует о том, что ее ареал тяготеет здесь к Поморскому берегу Белого моря. При этом наибольшее количество топонимов этого типа фиксируется в окрестностях села Нюхча – это приблизительно половина всех названий, оформленных формантом -щина. По мере удаления на север активность форманта падает, и он практически отсутствует в северной части исследуемого региона.

Данная модель наименования является на побережье достаточно ранней, поскольку фиксируется уже в документах XVI века: ср., поле Мишуковщина в Кеми в 1543 году [АСМ 1479-1571: 61], а также деревня Рубьевщина у погоста в Колежме в 1583 году [АСМ 1572-1584: 200]. В то же время хочется отметить, что в отличие от многих других топонимов, известных по письменным источникам XV–XVI веков и существующих в топонимии беломорских поселений и сегодня, упомянутые выше названия на -щина уже не известны современным информаторам.

Можно также предположить, что названия урочищ, оформленные формантом -щина, были на определенном этапе истории местами однодворных или малодворных деревень, которые упоминаются в документах по истории сел побережья Белого моря середины XVI века. Приведем несколько примеров сопоставления документальных свидетельств и топонимов, зафиксированных в селе Нюхча: ср. Тимошка Павлов (1563) > Павловщина, Васюк Иванов (1563) > Ивановщина, мельница Нестерки да Мамонки детей Пулозерцов (1563) > Полузёрщина (ср. совр. фамилия Полузёров), деревня Омелянова гора (1563), Павел Омелянов (1583) > Мелёщинка, [ПКОП: 158-159].

С распространением из Подвинья, возможно, связано появление в топонимии сел Нюхча и Колежма сенокосных участков с названием Кулига. В XV веке лексема кулига фиксируется именно в грамотах Подвинья, а также переяславских, ростовских ярославских, владимирских и московских актах. В новгородской письменности древнерусского периода это слово не отмечено. В диалектах северо-западной зоны оно фиксируется эпизодически. В значении ‘участок покоса’ оно известно в Карелии Медвежегорскому, Пудожскому и Беломорскому диалектам, Онежскому и Каргополоскому диалектам Архангельской, а также на Терском берегу Мурман-

ской области, т.е. в тех северо-западных говорах, которые граничат с северо-восточными диалектами. [Чайкина 1975: 81-82]. Слово кулига в значении 'небольшой сенокосный участок в кустах (перелеске) на краю основной пожни' известно и жителям села Нюхча. По мнению С.А. Мызникова, распространение данной лексемы шло из вологодских говоров через каргопольско-лачские в говоры Обонежья и Кольского Поморья [Мызников 2003: 242].

Об освоении юго-западного побережья Белого моря населением из западных районов Архангельской области свидетельствует, на наш взгляд, географический термин индола, используемый в Поморье в наименовании болот. В Архангельской области апеллатив индола известен в нескольких значениях: 'топкое место; сухая возвышенность на болоте; низкорослый лес на болоте' [ТК УрГУ]. При этом отметим, что происхождение термина не известно.

В топонимии и апеллативной лексике Карелии данный термин не получил широкого распространения. Как апеллатив со значением 'топкое болото' он сейчас известен только жителям села Нюхча и деревни Хижезеро, располагавшейся между юго-западным берегом Белого моря и Выгозером. В топонимии он имеет более широкий ареал распространения. Он присутствует в топонимии южного Выгозерья (Индолов наволоок, Индолова ламба, Индолов ручей), в Оштамозере (Узкая индола) и Нюхче, где представлен 8 фиксациями (Винная индола, Дьячкова индола, Камруцкая индола, Пунруцкая индола, Рожкова индола, Сивозерская индола, Черная индола и Черничная индола).

Таким образом, современное распространение топонимов и термина индола свидетельствует о некоем колонизационном потоке, который шел с востока, с территории Архангельской области, на юго-западное побережье Белого моря, а затем отсюда проникал по водно-волоковым путям (по Осударевой дороге) на Выгозеро. Вполне возможно, что ранее тип в Поморье мог иметь более широкое распространение. Об этом может свидетельствовать, на наш взгляд, название покоса Индерки, зафиксированное в микротопонимии села Шижня¹⁸.

¹⁸ Переход согласного *l* в *г* встречается в ряде топонимов на исследуемой территории: ср. Видьморучей - Вирморучей, Кильбостров - Кирбостров и тут же индола - индерка.

Проникает в топонимию Поморского берега с востока, возможно, с Летнего берега Белого моря и топонимная модель Посад. В Нюхча, например, известно четыре части села, получившие свои названия с использованием данного топонимического типа: ср., Малый Посад, Большой Посад, а также части последнего – Средний и Нижний Посад. Кроме Нюхчи Посады, как части поселения, фиксируются в Сумпосаде, а также на Карельском берегу в Керети, Гридино (Кривой Посад) и Поньгоме (Лягушачий Посад). В западном Беломорье модель является достаточно старой, поскольку фиксируется как часть села Сума (совр. Сумпосад), в которой находился острог, уже в 1647 году [Витов 1974: 123]. Т.А. Бернштам отмечает, что появление “посадской стороны” и крупных посадов Летнего берега – Неноксы, Уны и Луды относится к концу XIV – первой половине XV века. Их формирование происходило на

базе “усолий” – небольших поселений, жители которых занимались вываркой соли. При этом, термин “усолье” сосуществовал с названием “посад” еще в XVII веке. Исследовательница предполагает, что возникновение “посада” в Поморье (и на Русском Севере) было связано именно с соляным промыслом. Это предположение основано, на ее взгляд, на том, что название “посад” применительно к населенному пункту на Севере встречается в документах, как правило, в тех случаях, когда речь идет о соляном промысле. Автор также отмечает, что “посад” в качестве названия одного из частей селения существовал почти во всех населенных пунктах Поморского берега от Онеги до Нюхчи (Нимнега, Малошуйка, Кушрека), а также в Пурнеме на Онежском берегу, т.е. в тех местностях, где в течение XV-XVII вв. возникали многочисленные варницы Соловецкого монастыря. При этом “посадам” обозначается именно та часть селения, на территории которой до сих пор видны следы варничных ям [Бернштам 1978: 43, 81, 83, 120]. Поскольку центром солеварения в Поморье была именно посадская часть Летнего берега, можно предположить, что и модель Посад проникает на Поморский и Карельский берега Белого моря именно оттуда. В то же время нельзя исключать, что модель, содержащая элемент посад, появляется на Летнем берегу Белого моря с волной переселенцев с более южных территорий. Так, в документах середины XVI века упоминаются Посады в Турчасово на реке Онега и в Кар-

гополе (1559 год), а также в 1561 году в Вологде [АСМ 1479-1571: 151, 156, 165].

Представление об истории освоения беломорского побережья останется неполным, если не остановиться еще на одном моменте в истории исследуемого региона. Начиная со второй половины XIX века, на Карельском берегу и на прилегающих к нему внутренних материковых территориях¹⁹ появляются вновь поселения с традиционным карельским населением. При этом некоторые из них являются настолько поздними, что местные жители и сегодня еще помнят имена их основателей и годы их появления.

Так, карельская деревня Нильмозеро появилась, по рассказам информаторов, в 50-х годах XIX века. Ее первопоселенцами были Лангуев Артемий Васильевич из деревни Большое Озеро, располагавшейся в окрестностях старинного карельского села Кестеньга, и Липаев Клементий Павлович из олонгской деревни Лайдасалма. О недавнем основании деревни свидетельствует карельский вариант названия *Uusikylä* (букв. 'Новая деревня'), а также коллективное прозвище жителей деревни "новоселы".

Основателями и первыми жителями деревни Воронской были Кемовы из Кестеньги, которые поселились здесь в 60-х годах XIX века. Деревня Нильмогуба, расположенная на берегу Белого моря в 8 км севернее Нильмозера, была основана в 1912 году карелом Филиппом Ивановым, который переселился первоначально из кестеньгской деревни Елетозеро в Нильмозеро, а затем переехал с семьей в Нильмогубу. Основателем деревни Верхняя Пулонга был карел по фамилии Лангуев, прибывший из села Кереть на рубеже XIX–XX веков. Из этой же деревни родом был Агапит Лангуев, основавший деревню Нижнее Котозеро.

Первыми жителями деревни Соностров, располагавшейся на побережье Белого моря, были Кемов Андрей Тимофеевич из Кестеньги и Сергеев Иван Григорьевич из Елетозера. Возникновение деревни относится к 1912 году. Деревня же Чупа (сейчас поселок и станция Мурманской железной дороги) возникла по данным ин-

¹⁹ На Поморском берегу известно о двух деревнях, которые были основаны карелами: Сальнаволок в окрестностях современного города Беломорска и Юково в районе Сумпосада.

форматоров в 1917 году. Первым поселенцем был белорусский переселенец по имени Филипп, женившийся на карелке из Ухты. Семья переселилась из села Кереть, расположенной здесь же, на Карельском берегу, непосредственно на морском побережье.

Образование этих деревень происходило на фоне столыпинской реформы. Социально-экономическими предпосылками было отсутствие свободных земель в материнских деревнях, вызванное ростом семей на рубеже XIX–XX веков. Жители новых поселений были выходцами из трех карельских волостей: Кестеньгской и Олангской, располагавшихся на самом севере современной Карелии в глубине материковой территории, и Вычатайбольской, которая находилась между морским побережьем и Кестеньгской волостью, а также прибрежной Керетской волости, где проживали как русские, так и карельское население. Фактором, привлекавшим новых жителей на Карельское побережье Белого моря и прилегающие к нему территории, было, очевидно, строительство Мурманской железной дороги. Надо, однако, принимать во внимание, что по крайней мере часть отмеченных новых карельских поселений возникла на местах, которые, судя по данным исторических источников, были освоены в предшествующие века. К примеру, в Писцовой книге 1574 года в Керетской волости существовал погостишко Чюпа в Чюпской губе над ручьем, состоящий из 7 дворов, в которых проживало 10 человек [Малышев 1981:13], а деревня Воронская упоминается в письменных источниках 1552/53 [АСМ 1479-1571: 114] и 1591 года [МПИК: 325], причем как саамское поселение Воронье Озеро.

В контексте русского освоения Беломорья показателен тот факт, что в карельской топонимии региона активно используются воспринятые от смежно проживающего русского населения характерные русские топонимные модели и элементы. В частности, активно используется русская географическая терминология, ср. порог Kuivaporoška в Нильмогубе (рус. порожек); заливы Kivikupa, Pimiekupa, Suvikupa, Savikupa в Сонострове, в которых в качестве основного элемента выступает усвоенный из русских говоров термин губа; берег под названием Pl'ossa и Pienipl'ossa (рус. плес) в Сонострове и Верхней Пулонге. Топонимия окрестностей всех прибрежных карельских деревень позволяет с уверенностью гово-

речь о том, что карельское поселение возникло на территории, которая входила в сферу русского поморского влияния, поскольку топонимия карельского происхождения концентрируется в непосредственном окружении деревни, в то время как наименования многих лесных урочищ и водных объектов вдоль побережья имеют русские истоки: ср. озера Letn'oijärvi, рус. Летнее (Соностров), Ivanovskoijärvi, рус. Ивановское (Чупа), Koppal'noijärvi, рус. Коппальное (Верхняя Пулонга), луды Rorovoiluoto, рус. Попова (Соностров), Jaroslavanluoto, рус. остров Ярослав (Нижняя Пулонга), острова Olenčikansuari, рус. Оленьчик (Нижняя Пулонга), Stepanovoisuari, рус. Степанов (Верхняя Пулонга), болото Morozovoinšuo, рус. Морозово (Соностров), берег Varniskoiranta, рус. Варничный (Соностров), возвышенности Kormanovoivuara, рус. Корманова и Vuatvarakka, рус. Ватварака (Верхняя Пулонга), ручей Plavežnoioja, рус. Плавежный (Чупа), река Važenskoijoki, рус. Важенская (Верх. Пулонга), Šemčužnojoki, рус. Жемчужная (Соностров) и др.

Топонимия, таким образом, свидетельствует в пользу того, что интересы традиционного русского населения – поморов – распространялись прежде всего непосредственно на морское побережье, в то время как карельское освоение активно представлено в топонимии внутренних территорий, удаленных от побережья моря. Это касается, прежде всего, позднего карельского освоения, рубежа XIX–XX веков, когда сюда распространяется население из карельских Кестеньгской, Олангской и Вычетайбольской волостей. Характерно и то, что сегодняшние информаторы-карелы не считают территорию побережья Белого моря исконной карельской в этническом плане территорией.

Последний вывод корректен для позднего времени. Что же касается средневековья, то наши материалы указывают на то, что морское побережье привлекало внимание как прибалтийско-финского, так и русского населения, свидетельством этого являются достаточно древние карельские, емские и русские топонимные модели на побережье.

Подводя итог, отметим, что побережье Белого моря на протяжении многих веков являлось регионом давних межэтнических связей, которые отчетливо проявляются в языке и топонимии со-

временного русского (поморского) населения. Прибалтийско-финская по происхождению топонимия соседствует здесь с русской, которая складывалась в результате новгородского, а затем и московского освоения Поморья. Сюда, в юго-западное Беломорье, выходили важнейшие транзитные водные и водно-волоковые пути с юга и юго-запада, рано освоенные, с одной стороны, прибалтийскими финнами, с другой, русскими переселенцами, тесно соприкасавшимися здесь с местным саамским населением. При этом топонимия свидетельствует, что славянское население селилось на территории, уже достаточно рано освоенной представителями финской языковой семьи. На это указывает, например, значительное количество микротопонимов нерусского происхождения, а также топонимов-полукалек в топонимии региона.

ЛИТЕРАТУРА

АСМ 1479-1571 – Акты социально-экономической истории севера России конца XV–XVI в. Акты Соловецкого монастыря 1479–1571 гг. Л., 1988.

АСМ 1572-1584 – Акты социально-экономической истории севера России конца XV–XVI в. Акты Соловецкого монастыря 1572–1584 гг. Л., 1990.

Бернштам 1978 – Бернштам Т.А. Поморы. Формирование группы и системы хозяйства. Л., 1978.

Бубрих 1947 – Бубрих Д.В. Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947.

Витов 1962 – Витов М.В. Историкро-географические очерки Заонежья XVI–XVII веков. М., 1962.

Витов 1974 – Витов М.В., Власова И.В. География сельского расселения Западного Поморья в XVI–XVIII веках. М., 1974.

Жуков 2003 – Жуков А.Ю. Управление и самоуправление в Карелии XVII в. Великий Новгород, 2003.

ЗКТ – Загадки карельской топонимики. Рассказ о географических названиях Карелии. Составители Г. М. Керт, Н. Н. Мамонтова. Петрозаводск, 1982.

ИК – История Карелии XVI–XVII вв в документах I. Петрозаводск-Йоенсуу, 1987.

ИК-1 – История Карелии XVI–XVII вв в документах III. Петрозаводск-Йоенсуу, 1993.

История Карелии – История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001.

Карлова 2004 – Карлова О.Л. -Л-овая модель в топонимии Карелии. (рукопись).

Керт 2002 – Керт Г.М. Применение компьютерных технологий в исследовании топонимии. Петрозаводск, 2002.

Кузьмин 2003 – Кузьмин Д.В. Истоки форманта -šina в карельской топонимии // Прибалтийско-финское языкознание: Сб. статей, посвящ. 80-летию Г. М. Керта. П., 2003

Лобанова, Манюхин 2002 – Лобанова Н.В., Манюхин И.В. Археологические памятники архипелага Кузова // Культурное и природное наследие островов Белого моря. Петрозаводск, 2002.

Малышев 1981 – Малышев И. Лоухи. Петрозаводск, 1981.

МПИК – Материалы по истории Карелии XII–XVI в.в. Петрозаводск, 1941.

Муллонен 1988 – Муллонен И.И. Гидронимия бассейна реки Ояти. Петрозаводск, 1988.

Муллонен 2002 – Муллонен И.И. Топонимия Присвирья: проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск, 2002.

Муллонен 2003 – Муллонен И.И. История формирования топонимных ареалов Заонежья // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера: Материалы IV Международной научно-практической конференции "Рябининский чтения 2003" (в соавторстве с Е.В. Лялля) // Петро-заводск: Изд-во КарНЦ РАН, 2003. С. 322-237.

Муллонен 2005 – Муллонен И.И. Топонимы как маркеры культурного ландшафта Заонежья // Прибалтийско-финское языкознание: лингвогеографические исследования. Сб. статей. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2005. С. 111-125.

Муллонен 2006 – Муллонен И.И. Формирование этнолингвистической карты Карелии // Северная Европа в XXI веке: природа, культура, экономика. Том 2. Материалы Международной конференции, посвященной 60-летию КарНЦ РАН (24-27 октября 2006 г.). Секция "Общественные и гуманитарные науки". Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2006. С. 130-132.

Муллонен, Лялля – Муллонен И.И., Лялля Е.В. ГИС-технологии в исследовании топонимии Карелии // Вестник Российского гуманитарного фонда. 2006, № 1. С. 159-168.

Мурзаев 1974 – Мурзаев Э. М. Очерки топонимики. Москва, 1974.

Мызников 2003 – Мызников С.А. Русские говоры Обонежья: ареально-этимологическое исследование лексики прибалтийско-финского происхождения. Санкт-Петербург, 2003.

Мюллер 1947 – Мюллер Р.Б. Очерки по истории Карелии XVI–XVII вв. Петрозаводск, 1947.

Ольсен 2002 – Ольсен Бьорнар Северные лабиринты // Культурное и природное наследие островов Белого моря. Сб. статей. Петрозаводск, 2002.

ПИОК – Письменные известия о карелах. Составители С.И. Кочуркина, А. М. Спиридонов, Т. Н. Джаксон. Петрозаводск, 1990.

ПКОП – Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 г.г. Ленинград, 1930.

Полковникова 1970 – Полковникова С. А. Географические названия новгородских писцовых книг XV–XVI веков: однокоренные названия с разными суффиксами // Учен. зап. Моск. гос. пед. ин-та. № 353. 1970.

ПФГЛК – Мамонтова Н. Н., Муллонен И. И. Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии. Петрозаводск, 1991.

Сало 1966 – Сало И.В. Влияние прибалтийско-финских языков на севернорусские говоры поморов Карелии. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Москва, 1966.

СВЯ – Зайцева М.И., Муллонен М.И. Словарь вепсского языка. Ленинград, 1972.

Сканке 2002 – Сканке К. Краткий обзор доисторического периода у саамов на севере Норвегии, на примере изменений в морфологии жилищ // Культурное и природное наследие островов Белого моря. Сб. статей Петрозаводск, 2002.

ТК-УрГУ – Топонимическая картотека УрГУ. Екатеринбург.

Чайкина 1975 – Чайкина Ю.И. Вопросы истории лексики Белозерья // Очерки по лексике севернорусских говоров. Вологда, 1975.

Шаскольский 1950 – Шаскольский И. П. О емской теории Шегрена и ее последователей. (О статье Д. В. Бубриха Не достаточно ли емских теорий?) // Известия Карело-финского филиала Академии Наук СССР № 1. 1950.

Castren 1852 – Castren M. A. Nordiska resor ock forskningar I. Helsingfors, 1852.

Itkonen 1926 – Itkonen T.I. Lisiä Keski- ja Etelä-Suomen lappalaisperäiseen paikannimistöön // Virittäjä 1926. S. 33-35.

Itkonen 1928 – Itkonen T.I. Lappalaiset // Suomen suku. Helsinki. 1928.

Itkonen 1958 – Itkonen T.I. Kuotan- ja Kuolanlapin sanakirja I-II. Helsinki. 1958.

Jaakkola 1956 – Jaakkola J. Suomen varhaishistoria II. Porvoo, 1956.

Jutikkala 1958 – Jutikkala E. Suomen talonpojan historia. II painos. Helsinki. 1958.

Juvelius 1888 – Juvelius J. W. Muistoja Pohjoisen Venäjän Karjalan muinaisuudesta. SKS. Helsinki, 1888.

Kirkinen 1988 – Kirkinen H. Pohjois-Karjalan kalevalaisen perinteen juuret. SKS. Helsinki, 1988.

Kiviniemi 1971 – Kiviniemi E. Suomen partisiippinimistöä. SKS. Helsinki, 1971.

Kiviniemi 1978 – Kiviniemi E. Pönk(k)ä-nimet // Kalevalaseuranvuosikirja 58. Helsinki, 1978. S. 27-37.

Kiviniemi 1984 – Kiviniemi E. Nimistö suomen esihistorian tutkimuksen aineistona. Suomen väestön esihistorialliset juuret. Suomen Tiedeseura. Helsinki, 1984.

KKS – Karjalan kielen sanakirja. 1-6. LSFU XVI. Helsinki, 1968-2005.

Koivulehto 1997 – Koivulehto J. Were the Baltic Finns “clubmen”? // You name it. Perspectives on onomastic research. Studia Fennica Linguistica 7. Helsinki, 1997. S. 151-169.

Kokkonen 2002 – Kokkonen J. Rajaseutu liikkeessä. Kainuun ja Pielisen Karjalan asukkaiden kontaktit Venäjän Karjalaan kreivin ajasta sarkasotaan (1650-1712). Bibliotheca Historica. Helsinki, 2002.

Lehtiranta 1989 – Lehtiranta J. Yhteissaamelainen sanasto. SUST 200. Helsinki, 1989.

Nielsen K. Lappisk Ordbok 1-3. Oslo, 1932-1938.

LMS – Kujola J. Lyydilaismurteiden sanakirja. LSFU 9. Helsinki, 1944.

NA – Suomen nimiarkisto. KOTUS. Helsinki.

Nissilä 1955 – Nissilä V. Itä-Karjalan matkanimistöä // Kalevalaseuran vuosikirja 35. Helsinki, 1955. S. 247-261.

Nissilä 1975 – Nissilä V. Suomen Karjalan nimistö. Karjalaisen kulttuurin edistämissäätiö. Joensuu, 1975.

Nirvi 1948 – Nirvi R. E. Sanahistoriallisia huomioita 4. Kemi // Virittäjä. 1948. S. 243-250.

Pöllä 1990 – Pöllä M. On western finnish toponymy in Archangel Karelia // Linguistica Uralica XXVI. Tallinn, 1990. S. 24-29.

Pöllä 1995 – Pöllä M. Vienan Karjalan etnisen koostumuksen muutokset 1600-1800-luvulla. SKST 635. Helsinki, 1995.

Salo 2000 – Salo U. Suomi ja Häme, Häme ja Satakunta. Hämeen käräjät I. Toimittanut Jukka Peltovirta. Hämeenlinna, 2000.

Sammallahti P. 1993 – Saamelais-suomalais-saamelainen sanakirja. Ohejohka. 1993.

Sjögren 1861 – Sjögren J. A. Joh. Andreas Sjögren's gesammelte Schriften. Band I, St. Peterburg, 1861.

SKES – Suomen kielen etymologinen sanakirja. I-VI. Helsinki, 1974-1987.

SMSA – Suomen murteiden sanakirjan arkisto. KOTUS. Helsinki

Vahtola 1975 – Vahtola J. Paikannimistö Torniolaakson asutushistorian lähteenä. Pro-gradu tutkimus. Nimiarkisto. Helsinki, 1975.

Vahtola 1980 – Vahtola J. Tornionjoki- ja Kemijokilaakson asutuksen synty. Nimistötieteellinen ja historiallinen tutkimus. Studia Historica Septentrionalia 3. Rovaniemi, 1980.

